

Сестры
ШАНЕЛЬ

Джудит
Литтл

*Триумфальная, душераздирающая
и правдивая история легендарных сестер Шанель.
Реальное восхождение из нищеты в высшее общество,
от монастырского приюта до улицы
Камбон в Париже.*

Джудит Литтл
Сестры Шанель
Серия «Голоса времени»

pdf

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67820840

Сестры Шанель:

ISBN 978-5-17-132784-2

Аннотация

Антуанетта и Габриэль «Коко» Шанель всегда знали, что родились для лучшей доли. Брошенные своей семьей, они выросли под присмотром благочестивых монахинь, готовящих сестер для простой жизни жен торговцев или лавочников. Их секретный тайник под половицами, набитый любовными романами и вырезками из журналов – все что у них было, чтобы поддерживать в себе мечты о будущем.

Пришло время, когда сестры Шанель должны были выйти в свет и там с яростным упорством доказать, что они достойны общества, которое никогда их не принимало. Это путешествие привело их из бедности в модные кафе, великолепные залы Виши и маленький шляпный магазинчик в Париже. И в то время как имя одной из сестер стало известно по всему миру, вторая долго оставалась в тени. Пришло время узнать и ее историю.

Содержание

Подопечные	6
Новые силуэты	56
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Джудит Литтл

Сестры Шанель

Judithe Little

THE CHANEL SISTERS

Публикуется с разрешения Harlequin Books S.A

Перевод с английского Марины Манучаровой

Оформление обложки Александра Воробьева

Серия «Голоса времени»

© Judithe Little, 2020

© Манучарова М., перевод, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Посвящается Лесу

и Антуанетте, чтобы о ней не забыли.

Часть Обазина¹ останется с нами навсегда. Потребность в порядке. Приверженность простоте и чистым запахам. Непреходящее чувство сдержанности. Настойчивое стрем-

---

¹ Обазин (*фр.* Aubazines) – коммуна во Франции, находится в регионе Лимузен в 420 км к югу от Парижа.

ление к совершенству, к идеальному исполнению швов. Успокаивающий контраст черного и белого. Ткани, грубые и ворсистые, как одежда крестьян и сирот. Ремешки из цепочек, как у четок, которые монахини носили на талии. Мистические мозаичные узоры школьного коридора в виде звезд и полумесяцев, которые возродятся в *bijoux de diamants*² как ожерелья, браслеты и броши. Повторяющийся орнамент витражей, напоминающий скрещенные буквы «С» и ставший символом роскоши и статуса. Даже сам старый монастырь, такой огромный и пустой, дающий простор воображению, позволяющий парить.

Все эти годы на улице Камбон, а также в Довиле и Биаррице люди считали, что покупают «Шанель», гламур, парижскую изысканность. Но на самом деле они приобретали орнаменты из нашего детства, воспоминания о монахинях, которые нас воспитали, об аббатстве, которое нас приютило.

Иллюзия богатства возникла из лохмотьев нашего прошлого.

---

² Название первой ювелирной коллекции, созданной Коко Шанель.

Подопечные

Обазин

1897–1900

ОДИН

Много лет спустя я не раз вспоминала тот холодный мартовский день 1897 года в монастырском приюте в Обазине.

Мы, сиротки, сидя кружком, занимались шитьем; тишину мастерской порой нарушала только моя бессмысленная болтовня с соседками. Почувствовав на себе пристальный взгляд сестры Ксавье, я умолкла и, изображая глубокую сосредоточенность, уставилась на свою работу, ожидая от наставницы обычного: «Следите за языком, мадемуазель Шанель». Но вместо этого она двинулась к моему стулу, стоявшему рядом с печью. Складывалось впечатление, что сестра Ксавье плывет; впрочем, так двигались все монахини. Складки ее черной шерстяной юбки источали запах ладана и веков, а накрахмаленный головной убор неестественно вздымался к небу, будто сестру могли вознести в любой момент. Я молилась, чтобы это произошло, представляя, как поток света, пробивающийся сквозь скат крыши, поднимает ее к

облакам в сияющем луче святого спасения.

Но такие чудеса случались только на картинах с изображением ангелов и святых. Монахиня остановилась за моей спиной, темная, нависшая, будто грозовая туча над пологими лесами Центрального массива. Она откашлялась и тоном императора Священной Римской империи мрачно произнесла:

– Антуанетта Шанель, ты слишком много болтаешь. Твое шитье выглядит неаккуратно. Ты постоянно грезишь наяву. Если ты не образумишься, то, боюсь, повторишь судьбу своей матери.

Мне показалось, что мой желудок скрутило в узел. Мне пришлось прикусить губу, чтобы удержаться от возражений. Я бросила взгляд на свою сестру Габриэль, сидевшую в другом конце комнаты со старшими девочками, и закатила глаза.

– Не слушай монахинь, Нинетт, – сказала она, как только нас отпустили во двор на перемену.

Мы сидели на скамейке, такие же замерзшие, как окружающие нас голые деревья. И почему листья опадают в то время, когда они нужны больше всего? Рядом наша старшая сестра Джулия-Берта, выуживая хлебные крошки из карманов, кормила стаю ворон. Птицы сражались за добычу и пронзительно кричали.

Пытаясь согреть ладони, я сунула их в рукава.

– И вовсе я не собираюсь быть такой, как наша мать. Я

не собираюсь быть такой, какой должна стать по утверждению монашек. Я даже не собираюсь быть такой, какой, по их мнению, я никогда не буду.

Мы грустно рассмеялись. Как временные хранители наших душ, наставницы постоянно думали о том дне, когда нам придется покинуть приют и жить самостоятельно. Что нас ждет? Сможем ли мы приспособиться в большом сложном мире?

Два года пребывания в монастыре научили нас не обращать внимания на их реплики, звучащие постоянно: во время репетиций хора, уроков чистописания или пока мы декламировали французских королей.

«Ундина, с твоим почерком тебе никогда не стать женой торговца».

«Пьеретта, с такими неуклюжими руками ты никогда не сможешь заниматься хозяйством».

«Элен, с таким слабым желудком тебе никогда не стать женой мясника».

«Габриэль, ты должна надеяться, что заработаешь на приличную жизнь, став швеей».

«Джулия-Берта, ты должна молиться о призвании. Девушкам с такой фигурой, как у тебя, лучше оставаться в монастыре».

Мне же было предсказано, что станет большим везением, если я смогу убедить какого-нибудь пахаря жениться на мне.

Я вынула ладони из рукавов, подышала на них и заявила:

– И уж точно я не собираюсь выходить замуж за пахаря!

– А я не собираюсь быть швеей, – завершила Габриэль. –

Ненавижу шить!

– Кем же ты тогда будешь? – Джулия-Берта вопросительно смотрела на нас широко раскрытыми глазами.

Люди считали ее недалекой, называли тронутой. Для нее мир был прост, как черное и белое, как туники и вуали послушниц, и раз уж наставницы что-то говорят, значит, так тому и быть.

– Кем-то лучше... меня точно ждет нечто лучшее! – ответила я.

– Что значит лучше? – не поняла она.

– Это... – начала Габриэль, но не смогла объяснить.

Она не больше моего сознавала, что такое Кем-то Лучше, но я была уверена, что она чувствует тот же самый внутренний зуд. Беспokoйный характер был у нас в крови.

От нас требовали довольствоваться своим положением, поскольку это богоугодно. Но нам не хотелось с этим соглашаться. Мы вышли из длинной вереницы лоточников и мечтателей, путешествующих по извилистым дорогам, уверенных, что впереди их ждет Нечто Лучшее.

ДВА

До того, как нас пристроили в приют, мы практически голодали, ходили в грязных лохмотьях, не говорили по-фран-

цузски, только на патуа³. Мы едва умели читать и писать, потому что долго не посещали школу. Монахини утверждали, что мы были почти дикарками.

Наша мать Жанна работала очень много, чтобы прокормить нас и обеспечить крышей над головой. Она вроде бы была рядом и вместе с тем отсутствовала. Ее взгляд с каждым годом становился все отстраненнее, и порой возникало ощущение, что она смотрит сквозь нас, а ее глаза постоянно ищут Альбера и только Альбера – нашего отца. А он обычно был в разъездах, продавая старые корсеты, ремни или носки. Он не мог долго оставаться на одном месте и, вопреки обещаниям, подолгу не возвращался домой. Тогда наша мать, как влюбленная дурочка, мчалась за ним, волоча нас за собой по проселочным дорогам, невзирая на время года.

Они оставались вместе ровно до тех пор, пока наша мать не беременела снова. Потом Альбер исчезал на несколько месяцев, не оставив денег, предоставив нам самим о себе заботиться. Мама была прачкой, горничной, бралась за любую работу, пока не умерла в тридцать один год от чахотки и переутомления, с разбитым сердцем.

Когда это случилось, никто из родственников не пожелал нас видеть, особенно наш отец. Это не стало сюрпризом. Как он мог путешествовать с места на место – и из постели в постель – с такой обузой? Но разве отцы не должны заботиться

---

³ Местные наречия французского языка (бретонское, овернское, провансальское и др.).

о своих детях?

Нас было пятеро: три девочки и два мальчика. Старшая – Джулия-Берта, потом Габриэль, Альфонс, я и, наконец, Люсьен. Альфонсу было всего десять, а Люсьену шесть, от горшка два вершка, когда отец объявил их «детьми богадельни». Он, не раздумывая, отдал мальчиков в крестьянскую семью, как бесплатную рабочую силу, а нас – в монастырский приют. За три года, проведенных там, мы ничего не слышали о наших братьях.

А отец продолжал жить свободно, думая только о себе.

– Я вернусь, – пообещал он с блестящей улыбкой коммивояжера, поглаживая гордую головку Габриэль, простился с нами на пороге монастыря и исчез за горизонтом в своей двуколке.

Джулия-Берта, не любившая перемен, не понимавшая, куда подевалась наша мать, была безутешна.

Габриэль, напротив, была в ярости и не могла плакать.

– Как он мог бросить меня?! – твердила она без умолку снова и снова. – Я же его любимица! – Потом: – Мы могли бы сами о себе позаботиться. Мы делали это много лет. Мы не нуждаемся в том, чтобы эти старухи указывали нам, как поступать! – Потом: – Мы не сироты. Он сказал, что вернется. Значит, так и будет.

А я, тогда восьмилетняя, рыдала, совершенно сбитая с толку, не привыкшая к странным манерам монахинь, шуршанию юбок, стуку четок, облакам ладана, проплывающим

мимо, словно призраки, резкому запаху щелока.

Монастырь был полной противоположностью всего, к чему мы привыкли. Нам говорили, когда просыпаться, когда есть, когда молиться. День был разбит на определенные части: учеба, катехизисы, шитье, домашнее хозяйство. В назначенное время раздавался колокольный звон, призывающий к молитвам и божественному служению.

– Праздные руки, – без конца повторяли монахини, – это мастерская дьявола.

Даже дни недели, недели месяца, месяцы года были разделены на то, что они называли сезонами литургии. Вместо 15 января, 21 марта или 19 декабря – двенадцатое воскресенье обыкновенного времени, или понедельник первой недели Великого поста, или среда третьей недели Адвента. Загробная жизнь делилась на Ад, Чистилище и Рай. Еще были двенадцать Плодов Святого Духа, Десять Заповедей, Семь Смертных Грехов, Шесть Святых Дней Долга, Четыре Главные Добродетели.

Мы узнали о Сент-Этьене, горбатым монахе, саркофаг которого, с его изваянием на крышке, находился в храме; силуэты других священнослужителей были высечены на каменном балдахине. Во время мессы я разглядывала узлы и петли на витражах, скрещивающиеся круги, которые выглядели так, словно мы – Шанель – я и мои сестры навсегда переплелись. Мне совсем не хотелось думать об этой могиле, о старых костях, о пустой холщовой робе.

– Здесь водятся привидения! – шептала мне Джулия-Берта, широко распахнув глаза от ужаса.

Казалось, они повсюду: святые духи, нечестивые духи, призраки всех видов, заставляющие плясать пламя поминальных свечей. Они прятались в темных углах и узких проходах, отбрасывали причудливые тени на стены. Призраки нашей матери, нашего отца, нашего прошлого.

Иногда по утрам, когда мы мылись, или по вечерам, когда должны были беззвучно молиться, Джулия-Берта хватала мою ладонь и крепко сжимала.

– По ночам мне снятся страшные вещи, – лепетала она и замолкала.

Мне было интересно, видит ли она то же, что и я: нашу мать в постели без покрывала, с окровавленным носовым платком в руке. Сквозь тонкие стены в комнату просачивается пронизывающий холод. Ее глаза закрыты, худое тело неподвижно.

Я научилась просыпаться посреди этого сна, стряхивала с себя видение и забиралась в постель к Габриэль. Она позволяла мне свернуться рядом калачиком, как в раннем детстве: до Обазина у нас никогда не было отдельных кроватей. Тепло ее тела, ритм ее дыхания действовали успокаивающе, и я снова засыпала.

А потом, ранним-ранним утром, еще до восхода солнца, звонили колокола. Сестра Ксавье врывалась в спальню, хлопала в ладоши и объявляла своим слишком громким голо-

СОМ:

– Проснись, слава моя! Проснитесь, лира и арфа!

Сразу после этого начинались упреки и нравоучения.

– Быстрее, Ундина, быстрее. Судный день успеет начаться и закончиться прежде, чем ты наденешь свои ботинки!

– Элен, тебе есть о чем помолиться. Поторопись!

– Антуанетта, перестань болтать с Пьереттой и перестели свою постель. Ты сделала это неаккуратно!

Монахини Обазина приютили нас. Кормили. Пытались спасти наши души. Воспитывали. Упорядочили наши дни, наполнили их рутинной. Но они не смогли заполнить пустоту в наших сердцах.

ТРИ

Дни, недели, месяцы, привычный ход событий, непривычный ход событий. Рутинная, поначалу успокаивающая, стала утомлять. И вот однажды, после трех лет нашего пребывания в монастыре Конгрегации Сен-Кер-де-Мари, безветренным июльским утром 1898 года все изменилось.

Мы с сестрами мыли посуду на кухне.

– Мадмуазель, – обратилась к нам вошедшая мать-настоятельница. – Вас ждут в комнате для свиданий.

Нас?! Нас никогда туда не приглашали! Если только...

Мое сердце едва не выскочило из груди.

Неужели наш отец наконец пришел за нами?!

Мы последовали за матушкой по коридору. Я пыталась расправить юбку, провела руками по волосам, надеясь, что мои косы выглядят аккуратно. Заметила, что Габриэль тоже пригладила свою прическу. Она единственная твердила все эти годы, что отец вернется, убеждала себя и нас, что он отправился в Америку сколотить состояние, и придет, как только сделает это.

Когда мы наконец добрались до нужной двери и монахиня открыла ее, я затаила дыхание, ожидая увидеть мужчину с очаровательной улыбкой и грубыми руками – нашего отца. Однако в комнате стояла пожилая женщина с добрым лицом, в резных деревянных башмаках, называемых сабо, грубой серой юбке, пеньковых чулках и выцветшей ситцевой блузке.

Бабушка?!

– Бабуля! – воскликнула Джулия-Берта, бросаясь обнимать старушку, словно та могла исчезнуть так же неожиданно, как появилась.

Я уставилась на нее, удивленная гораздо больше, чем если бы это был Альбер, которого мы так ждали.

– Вы не представляете себе, как спокойны мы были все эти годы, – сказала бабушка настоятельнице, – путешествуя с места на место и зная, что наши дорогие внуки находятся на вашем попечении. Эта нелегкая кочевая жизнь не для детей. Однако теперь мы слишком стары для путешествий. – Она прищелкнула языком, как многие взрослые, и предложила

нам лимонные пастилки.

Они с дедушкой приобрели небольшой домик в Клермон-Ферране, деревне, расположенной в нескольких минутах езды на поезде, и нас пригласили туда на пару дней, чтобы отпраздновать *le quatorze juillet*⁴, День взятия Бастилии. Наконец-то мы выбрались из монастыря, пусть и ненадолго.

Я не сказала вслух, о чем думаю, но уверена: у Габриэль были те же мысли. *Может быть, наш отец сейчас в Клермон-Ферране. Может быть, он ждет нас там.*

Где-то глубоко внутри меня, в пустоте, где должна была жить любовь, я не могла подавить эту слабую, возможно, глупую надежду, что Альбер вернется. Не прежний Альбер, а новый – тот, которому мы нужны.

Мы последовали за бабушкой к вокзалу. В Клермон-Ферране она привела нас к покосившемуся домику с единственной комнатой, загроможденной множеством предметов, предназначенных для продажи на местном рынке: спущенными велосипедными шинами, заплесневелыми коробками, покрытыми толстым слоем копоти кастрюлями. Вдоль стен возле плиты выстроились ряды щербатых разномастных тарелок. Коллекция старых, сломанных зубных протезов, пожелтевших и выглядевших просто ужасно, вызывала омерзение. Похоже, здесь ничего и никогда не выбрасывали.

Очувтившись посреди столь чудовищного беспорядка, мы не сразу заметили девушку, стоявшую возле кровати. На

---

⁴ Четырнадцатое июля (франц.).

вид ей было лет пятнадцать, как Габриэль, или, может быть, шестнадцать, как Джулии-Берте; она направилась к нам, явно волнуясь и улыбаясь с такой теплотой, от которой мы давно отвыкли.

– Габриэль? – неуверенно спросила она. – Джулия-Берта? Вы меня помните? Маленькая Нинетт! Как же это было давно! Кажется, мы познакомились на одной из ярмарок. До чего же вы трое хорошенькие!

У девушки была такая же длинная шея, как у Габриэль, такие же тонкие черты лица и худощавая, немного нескладная фигура. На ней тоже была монастырская одежда, но в отличие от нас она носила ее непринужденно и с достоинством, так что это совсем не походило на обычную форму. Краем глаза я заметила, как Габриэль заправляет распущенные волосы за уши. Должно быть, мы смотрели на девушку слишком уж тупо, потому что наконец заговорила бабушка:

– Вот глупые девчонки! Это Эдриенн – моя младшая дочь. Сестра вашего отца. Одним словом – ваша тетя.

– Тетя? – удивилась Джулия-Берта. – Она слишком молода, чтобы быть нашей тетей.

– Тем не менее она ваша тетя, уж я-то точно знаю, – ответила бабуля. – Я произвела на свет девятнадцать душ. Ваш отец был первым, когда мне было шестнадцать, Эдриенн – последней.

– Грандиозный финал, – прокомментировала девушка, делая очаровательный маленький книксен.

Тетя, одетая, как девочка из монастыря? Тетя почти одного с нами возраста? Мы с Габриэль словно проглотили языки.

– Ах, девочки, не смотрите так растерянно, – снова заговорила бабушка. – Эдриенн ничем от вас не отличается. Она учится в монастырской школе в Мулене. Прежде чем *le quatorze juillet* закончится, вы станете друг другу как сестры.

Может быть, сказалось смущение от пребывания в новом месте, но на какой-то удивительный момент мне почудилось, что у Эдриенн есть аура, облако золотого света, исходящего от нее, как у святой на молитвенной карточке. Я взглянула на Габриэль. Обычно она насторожено относилась к новым знакомым, но сейчас расслабленно улыбалась. Эдриенн выглядела как девушка, которая многому могла нас научить, и я поймала себя на том, что тоже сияю.

ЧЕТЫРЕ

Благословенная Эдриенн. Ее первым святым поступком было вытащить нас из этого темного, тесного дома.

– Потому что, маман, я их тетя, – авторитетно заявила она, убеждая бабушку, что может отвезти нас в город на прогулку. – А это значит, что я могу сопровождать девочек.

Прежде чем бабуля успела возразить, мы последовали за Эдриенн к двери. Джулия-Берта решила остаться и помочь рассортировать пуговицы.

На мощеных улицах города царило оживление. На здани-
ях и фонарных столбах радостно развевались трехцветные
флаги. Повсюду экипажи, цокот копыт, крики разносчиков,
выгружающих мешки с мукой и банки с горчицей. Уличные
кафе заполнили старики, желающие выпить чашечку кофе,
на рынках суетились женщины, придирчиво осматривая яб-
локи и дыни. Ближе к центральной площади стучали молот-
ками рабочие, собиравшие сцены и киоски для завтрашнего
праздника.

Эдриенн уверенно шла впереди, а я пыталась подражать
ей: мои плечи были расправлены, на губах сияла легкая
улыбка. В отражении ее света тьма внутри меня исчезла. Я
чувствовала, как ветер рассеивает мрак.

При виде движущегося по улице вагона я остолбенела.
Спереди не было ни лошадей, ни паровоза. Однако пассажи-
ры как ни в чем не бывало спокойно сидели внутри. Из кры-
ши торчали провода, напоминавшие усики жука, они цеп-
лялись за другие провода, которые шли параллельно улице.
Сверху на гигантской табличке причудливыми буквами бы-
ло написано *La Bergère Liqueur*⁵.

Заметив мое удивление, Эдриенн сказала:

– *Le tram électrique*⁶. Разве в Обазине нет трамвая? У нас
в Мулене – есть.

---

⁵ Ликер La Bergère (La Bergère – компания, специализирующаяся на междуна-
родной торговле марочными винами).

⁶ Электрический трамвай (*франц.*).

Габриэль фыркнула.

– Единственное, что есть в Обазине, это козы. Ах, да, еще коровы. Много-много коров. А также свиноводы и пахари, за одного из которых, по мнению монахинь, Нинетт следует выйти замуж. И ничего électrique.

– Обазин такой скучный. Что еще интересного у вас в Мулене? – спросила я.

Глаза Эдриенн загорелись.

– Кавалерия! Офицеры, живущие в казармах. Они просто красавцы! Носят высокие кожаные сапоги, куртки с медными пуговицами и ярко-алые бриджи. Вы бы их видели! Они расхаживают, как петухи в курятнике. Мы восхищаемся ими, но только издалека.

– Жаль, что нам нечем восхищаться, – вздохнула я.

– Но вы можете это сделать, – сказала Эдриенн с озорной улыбкой, – пойдете, я вам покажу.

Дойдя до конца дороги, девушка обернулась и указала нам на высокую кирпичную арку, которая вела в парк.

– *Вуалья!* – сказала она.

Мы встали у входа и залюбовались. На изумрудно-зеленых лужайках извивались дорожки из гравия. Пруд мерцал и переливался, а два белых лебедя лениво скользили возле берега. Легкий ветерок шелестел в кронах деревьев. Городская суета исчезла. Мужчины и женщины в шикарных нарядах вальяжно прогуливались по тропинкам. Они выглядели совершенно беззаботными, в отличие от людей, находящихся-

ся за пределами парка. Казалось, что единственное их стремление – это оставаться красивыми.

– Они все такие... такие... – Я никак не могла подобрать правильное слово.

Грандиозные? Декоративные? Экзотические?

– Богатые, – подсказала Эдриенн благоговейным тоном. – Они все такие богатые! – Она сделала шаг вперед, но мы с Габриэль заколебались. – Да ладно, – рассмеялась она, – они не кусаются. На самом деле они нас вообще не заметят.

Девушка провела нас к скамейке возле пруда. Устроившись на ней, мы принялись наблюдать за людьми, казавшимися еще более удивительными, чем *Le tram électrique*. Джентльмены, несмотря на жару, были в изысканных костюмах, в прекрасных пиджаках, брюках со стрелками и в довершение – в соломенных канотье. Держа в руках трости, хотя и не хромали, они с благородной уверенностью шагали рядом с изящными женщинами, закутанными в бесчисленные слои замысловатых белых кружев. Кружевные оборки. Кружевные воротнички. Юбки с кружевной отделкой. Кружевные зонтики. Они носили широкополые шляпы, такие же большие, как головные уборы монахинь, но украшенные огромными цветами, длинными перьями и порой разноцветными фигурками птиц. Несмотря на вес одеяния, они каким-то образом умудрялись ходить грациозно, двигаясь по дорожкам осторожно и плавно.

– Кто они? – спросила я.

– *Élégantes!*⁷ – Голос Эдриенн звучал торжественно. – И их *gentilhommes!*⁸

Я не могла оторваться и просто таращилась на них, но это не стало проблемой. Они даже не взглянули в нашу сторону. Тетя была права. В наших монастырских одеждах мы были заметны им не более, чем трава на лужайке.

Только Габриэль не выказывала ни удивления, ни восхищения. У нее было такое выражение лица, что у меня свело живот.

– Гигантские сливочные слойки, – проговорила Габриэль, качая головой. – Огромные комки пыли.

– Что? – Эдриенн завертела головой. – Где?

Габриэль кивнула в сторону дам на дорожке.

– Вулканическое извержения кружев. Пюи-де-Дом ничто по сравнению с ними, – сказала она, имея в виду потухший вулкан, самый большой из окружавших Обазин.

– Габриэль! – воскликнула Эдриенн, широко раскрыв глаза, одновременно поднося руку ко рту. Я замерла, испугавшись, что сестра обидела ее и тетя больше не захочет иметь с нами ничего общего. Но оказалось, что она с трудом пытается сдерживать смех. – Когда-нибудь археологи откопают их для потомков, как тела в Помпеях, – произнесла она притворно серьезным тоном. – Только они будут похоронены не под пеплом, а под кружевом.

---

⁷ Элегантные дамы (*франц.*).

⁸ Дворяне. Благовоспитанные, утонченно вежливые люди (*франц.*).

И мы рассмеялись. Было приятно подшучивать над теми, кто высокомерно не замечал нашего существования.

– У них, должно быть, болит голова, когда они нагромождают на себя эти конструкции, – сказала Габриэль.

– Наверное, это замечательно, когда тебе нечего делать, кроме как разряженной, словно леденец, гулять по парку без всяких забот, – мечтательно пробормотала я.

– Но, Нинетт, – лицо Эдриенн стало серьезным, – это больше, чем просто прогулки по парку. Неужели ты не понимаешь? Посмотрите, как они двигаются и как смотрят друг на друга. Видите, как мужчины выпячивают грудь, а дамы хлопают ресницами, глядя на них, но при этом не упускают из виду других женщин? Это наука, настоящая наука любви и уходаживания. – Она вздохнула и приложила руку к груди. – Разве это не чудесно?

Я присмотрелась, пытаюсь разглядеть трепещущие ресницы и сверкающие взоры. Но мне это не удалось, потому что Эдриенн встала со скамейки и разгладила юбку.

– А теперь, *chéries*⁹, нам пора возвращаться, пока маман не прислала за нами жандармов.

Она взяла нас под руки, но вместо того чтобы проводить прямо к кирпичной арке и обратно в город, направилась к дорожке из гравия, затянув нас в променад, где мы, подавляя смех, картинно покачивались, словно когда-нибудь тоже будем заниматься наукой любви и уходаживания.

---

⁹ Дорогие, милые (франц.).

ПЯТЬ

На следующий день, четырнадцатого июля, мы бродили по ярмарке, мимо киосков с колесами фортуны и другими азартными играми, мимо сцены, на которой играл оркестр; вокруг нас, насколько хватало глаз, двигались люди: молодые и старые. Здесь были все, кроме элегантных дам.

– Где же они? – спросила я Эдриенн. После вчерашней прогулки по парку мне больше всего хотелось увидеть именно *élégantes*. Не кукольные спектакли и не мужчин, карабкающихся по смазанным жиром шестам за окороком, который был закреплен наверху.

– В своих замках, – ответила она. – Такие не ходят на деревенские ярмарки. Ярмарки – для простых людей.

Конечно! Именно поэтому мы были здесь.

Но, оказалось, ненадолго. У Эдриенн, как обычно, появилась идея:

– Есть и другие места, где можно увидеть *élégantes*...

Мы зашли в табачную лавку и на деньги, полученные от деда, чтобы мы могли побаловать себя на ярмарке, купили журналы с красивыми дамами на обложках, по пятьдесят сантимов за каждый: *Femina*, *La Vie Heureuse*, *L'Illustration*. Дома мы поднялись на чердак, где с потолка свисали сухие травы, и устроились среди мешков с зерном. В открытое окно доносились приглушенные звуки оркестров.

– Смотрите, – сказала Эдриенн, протягивая журналы. – Вот наши *élégantes*. И это все, что нам нужно.

– Нужно? – переспросила Габриэль. – Для чего?

Эдриенн улыбнулась.

– Чтобы стать такими же, конечно.

Мы с Габриэль переглянулись. Мы могли стать *élégantes*?

Эдриенн полистала страницы – и вот они, мужчины и женщины из высшего общества, того, что она называла *la haute*¹⁰. Шестая страница – *élégantes* прогуливаются под руку по Булонскому лесу, красавцы *gentilhommes* с щегольскими усами не отрывают от них взгляда. Восьмая страница – *élégantes* в эксклюзивных салонах Парижа на благотворительных мероприятиях покупают цветы у маленьких девочек в пышных платьях. Страницы одиннадцать, четырнадцать и пятнадцать – *élégantes* позируют в самых последних модных нарядах знаменитых кутюрье.

– Посмотрите на эту прическу! – Эдриенн ткнула пальцем в гляцевую фотографию. – Разве это не изысканно? Чуть позже мы достанем мои булавки и попробуем ее скопировать. О, и эта шляпа совершенно очаровательна! Моя сестра Джулия покупает простые соломенные канотье и сама их переделывает. Думаю, что она смогла бы сделать и такую.

У нас была пара ножниц. Мы с Эдриенн вырезали свадебные фото, на которых невесты сжимали в руках букеты. Рядом с ними стояли женихи, высокие и гордые, в военной

---

¹⁰ Высшее общество (*франц.*).

форме, украшенной лентами, кушаками, орденами в виде звезды или солнца. Интересно, каково это – быть столь благословенным и носить на груди эту золотую россыпь.

Джулия-Берта выбрала изображение королевы Румынии с детьми – ухоженными маленькими девочками с мягкими волосами и пресыщенным взглядом избалованных созданий. Чистые, пушистые маленькие собачки сидели у их ног и на коленях, совсем не те дикие и грязные животные, к которым мы привыкли.

В журналах печатали статьи о пьесах, фото актрис в картинных позах, с большими, полными эмоций глазами. Габриэль стала их собирать.

Словно пелена упала с наших глаз. Благодаря журналам *élégantes* стали не просто мимолетным видением в парке, смутным пятном белых кружев и зонтиков, которые нам больше никогда не встретить. Теперь мы могли вырезáть, изучать и хранить их изображения, складывая эти сокровища в пустые банки из-под пастилок «Виши», которые Эдриен стащила из бабушкиных запасов и припрятала для нас, потому что «так легче пронести картинку в монастырь». Вместо того чтобы подражать жизни святых, как того требовали монахини, теперь мы могли копировать жизнь *élégantes*, их стиль, их поведение, их экспрессию – словом, все, что нам было о них известно.

Когда наступил вечер, я попыталась выбросить из головы мысль о том, что уже на следующий день мы уедем. Но

неотвратимость этого медленно давила, нависая надо мной, как туча мошек. Только Джулия-Берта, которая беспокоилась, что никто не кормит птиц в монастырском дворе, была рада возвращению.

Эдриенн пообещала, что мы еще увидимся. «На каждый праздник, – заверила она, – вы будете приезжать в Клермон-Ферран!» – и вручила нам сувенир на память. В тот вечер она впервые рассказала о месье Декурселе.

– А кто это? – прошептала я, поскольку Джулия-Берта уже крепко спала.

– Он писатель, – ответила наша тетя. – Вы наверняка слышали о нем.

– Мы слышали только о святых и апостолах, – посетовала Габриэль. – Монахини об этом позаботились.

– Но вы должны знать о месье Декурселе, – сказала Эдриенн. – Жизнь без него была бы слишком печальна. Он написал «Комнату любви», и «Женщину, которая глотает слезы», и «Брюнетку и блондинку», и много всего другого. Он пишет о монастырских девушках, которые выходят замуж за графов, о крестьянках, которые становятся королевами парижского общества. Бедные становятся богатыми, богатые становятся бедными. И вуаля! Невозможно оторваться!

Мы вздрогнули от грохнувшего вдалеке салюта. Начался *feu d'artifice*¹¹. Из крошечного окошка мансарды мы видели, как в небе сверкают разноцветные брызги, напоминающие

---

¹¹ Фейерверк (франц.).

электрический снегопад.

– Монастырские девушки, которые выходят замуж за графов? – прошептала я, завороченно глядя на вспышки света.

– Это всего-навсего сказка, Нинетт, – усмехнулась Габриэль.

Я ничего не ответила сестре, повернулась к Эдриенн и взяла ее за руку.

– Где мы можем найти эти истории?

Она полезла в сумку и вытащила маленькую книжечку.

– В журналах их печатают частями. Они называются *mélos*. Мелодрамы. Моя сестра Джулия каждую неделю покупает очередной номер, потом сшивает все вместе и отдает мне. Это «Танцовщица из монастыря». Богатая, красивая балерина Парижской оперы бросает все, чтобы уйти в монастырь и стать монахиней...

Габриэль фыркнула:

– Никто и никогда не сделает подобной глупости...

– Тс-ссс! – зашептала я, досадуя, что рассказ прерван.

– ...она завещает все свое состояние красивой крестьянке. Эта простая девушка переезжает в Париж и начинает жить жизнью балерины, полной богатства и великолепных кавалеров, драгоценностей и шелковых платьев. Она становится знаменитой и спасает свою семью от нищеты. Там есть страсть и романтика, там носят изысканные наряды и живут в роскошных виллах.

Я затаила дыхание. За окном снова появились серебряные

и золотые сполохи.

– Неужели монахини в Мулене разрешают тебе читать это? – удивилась я.

Эдриенн покачала головой:

– У меня есть тайники. Где-нибудь обязательно отыщется незакрепленная половица. И теперь тебе тоже придется найти такую. Вот. Забирай с собой в Обазин, Нинетт. Эту я уже прочитала. И, может быть, втроем – ты, я и месье Декурсель – мы сумеем убедить Габриэль, что девушка из монастыря действительно может выйти замуж за графа.

В ту ночь мне не снились призраки, не снилась мать, холодная и серая, неподвижно лежащая на койке. Вместо этого я вернулась в парк, завернутая в слои тончайших кружев, словно была чем-то хрупким, о чем нужно заботиться, чем можно дорожить. Шляпа, украшенная миниатюрным садом, царственно сидела на моей голове, пока я, легко покачиваясь, плавно двигалась по тропинке, а рядом со мной красавец *gentilhomme* нес бесполезную трость. Я была *élégante*. Я была героиней мелодрамы Декурселя. Я была Кем-то Лучше.

Гораздо легче мечтать, когда точно знаешь, о чем.

ШЕСТЬ

– Что ты творишь? – взвизгнула я и уставилась на Габриэль, сидящую в тусклом свете монастырского чердака среди кружащихся в воздухе пылинок. Следуя совету Эдриенн,

мы спрятали «Танцовщицу из монастыря» под половицей, а сейчас моя сестра распарывала швы и выдирала из книги страницы.

– Ш-ш-ш, – сказала она, оглядываясь на дверь. – Тебя слышит весь Центральный массив. Расслабься. Я делаю это для нас. Так мы сможем читать, когда захотим. – Она взяла несколько листочков, сложила и сунула в карман. – Мы возьмем их с собой в класс, во двор, да куда угодно. Мы спрячем их в наших тетрадях для сочинений и в учебниках истории. Наставницы ничего не заподозрят. Понимаешь, Нинетт? – Озорная улыбка заиграла на ее губах. – Мы будем читать целый день!

Мы. Потребовалось не так много времени, чтобы Габриэль поддалась чарам Декурсея.

Итак, мы переложили страницы повествований о преданности и преследованиях в Житии Святых более земными страстями от Декурсея. Он был нашим учителем, а не святые и не монахини. Мы читали на переменах. Мы читали во время отдыха. Мы читали при любом удобном случае, и нас даже ставили в пример другим девочкам.

– Маргарита, перестань пялиться в пространство! – говорила мать-настоятельница. – Посмотри на Габриэль, как сосредоточенно она читает.

Или:

– Пьеретта, проснись! Твоя книга упала тебе на колени! Почему бы тебе не поучиться у Антуанетты?

Мы не рассказали Джулии-Берте о нашей тайне. Она слишком рьяно следовала правилам и, мучимая чувством вины, могла не сдержаться и признаться во всем. Но по ночам, перед сном, я забиралась к ней в постель, и рассказывала истории из жизни монастырской танцовщицы, и молилась, чтобы ей, как и мне, вместо ужасов снились балерины, красивые графы и любовь с первого взгляда.

Как и обещала Эдриенн после *quatorze juillet*, в августе нас пригласили в Клермон-Ферран на День Успения, в ноябре – на День Всех Святых, в декабре – на Рождество и в феврале – на Сретение. Каждый раз мы покупали новые журналы, следя за последней модой. Мы вырезали еще несколько фотографий и привезли в Обазин три мелодрамы: «Комната любви», «Женщина, которая глотает слезы», «Брюнетка и блондинка». По мере того как росла наша тайная библиотека, расширялись наше воображение и наш мир.

Когда в апреле следующего года мы приехали на Пасху, лил дождь, *les vaches qui passent*¹², как выразился дедушка, не позволяя нам выйти наружу. Он вручил каждой по монетке и отправился в кафе. Бабушка тоже куда-то уехала, и мы остались в доме одни.

¹² Как корова писает (франц.).

– Мы устроим чаепитие, – сообщила Эдриенн. – Все *élégantes* пьют чай после обеда. Нам нужно попрактиковаться.

Несмотря на ливень, мы выскочили из дома, чтобы выпить чай. Оставшиеся деньги Эдриенн и Габриэль потратили на ленты и лимоны, сок которых, как утверждали, выравнивал цвет лица. Джулия-Берта приобрела консервы из сардин, чтобы покормить совершенно диких кошек, которые рыскали вокруг дома. Свою монетку я решила сохранить.

– Но в Обазине нечего купить, – удивилась Габриэль.

– Это не для Обазина, – возразила я. – Это на потом.

Сестра рассмеялась.

– Потом? Это слишком далеко. Я хочу сладенького сейчас, пока мы не вернулись в монастырь, где нам постоянно твердят, что поедание чего-то менее пресного, чем печенье для причастия, – это чревоугодие. К тому же что тебе дадут несколько сантимов?

Я не обратила внимания на ее слова, наслаждаясь солидной тяжестью монеты, словно держала в кармане кусочек своего будущего.

СЕМЬ

Каждое воскресенье после обеда нас заставляли в сопровождении сестры Ксавье бродить вверх и вниз по холмам Центрального массива «для укрепления здоровья», которое,

по словам монахинь, было слабым оттого, что мы с детства жили в бедности. Во время одной из таких зимних прогулок я пыталась представить себе, что сейчас весна, что я нахожусь в Булонском лесу и, подобно *élégantes* из журналов, неторопливо прогуливаюсь под тенью шелкового зонтика с оборками, как вдруг услышала, что Габриэль говорит Элен:

– Наш отец сейчас в Америке. Он сумел разбогатеть и скоро вернется за нами.

Я чуть не споткнулась о выступающий кусок вулканической породы, но вовремя его заметила и удержалась на ногах. Элен фыркнула:

– Если он сколотил состояние, то почему ты с сестрами здесь?

Габриэль вздернула подбородок.

– Чтобы получить образование. Я написала ему письмо с просьбой привезти мне белое платье из шифона. Он обещал сделать это.

– Ты все врешь! – возмутилась Элен.

– Ты просто завидуешь! – парировала моя сестра.

Элен скрестила руки на груди.

– Ты от нас не отличаешься. Такая же никому не нужная сирота. Перестань воображать, что ты чем-то лучше.

– Да, я лучше! По крайней мере лучше тебя!

– На самом деле ты хуже. Мои родители умерли, но твой-то отец все еще жив. И он не хочет тебя видеть. Вероятно, он этого никогда не хотел.

Я едва сдержалась, чтобы изо всех сил не пнуть Элен. Мне ужасно хотелось толкнуть ее с обрыва и слушать, как она кричит, падая в пропасть.

Но вместо этого я протиснулась между ними и полезла в карман, в котором иногда носила сэкономленные монетки, полученные от бабушки.

– Он вернется за нами! – повторила я. – Между прочим, он посылает нам деньги. Вот, смотри! – Сантимы на моей ладони блеснули на солнце, и я быстро убрала руку обратно.

Лицо Элен сделалось пунцовым.

– Видишь, – усмехнулась Габриэль. – Что я говорила!

– Хм, – только и смогла промычать Элен. Она отошла от нас к Пьеретте, и они резко свернули в другую сторону.

Мы с сестрой шли в неловком молчании, ее слова эхом отдавались у меня в голове. Наш отец вернется? Она написала ему?

Это не могло быть правдой. Это не было правдой! У меня не оставалось никаких сомнений на сей счет. И я почувствовала болезненный укол в сердце. Казалось, что после наших поездок в Клермон-Ферран, долгого общения с Эдриенн и чтения мелодрам Габриэль не так часто думает об Альбере и уже перестала надеяться на его возвращение. Благо Джулия-Берта шла далеко впереди, рядом с сестрой Ксавье, и не могла слышать эту перепалку. Она ведь верит каждому слову!

Я одернула шарф на шее, пытаюсь отогнать темные мысли,

навязчиво кружащие в голове. Мне снились принцы. Габриэль снился Альбер. Он был ее принцем.

– Может быть, он действительно уехал в Америку, – тихо сказала она наконец. – И уже сколотил состояние. Возможно, он прямо сейчас едет за нами.

Я покачала головой. У меня пересохло во рту и в горле.

– Ты слышала разговоры у бабушки.

Порой, не обращая внимания на наше присутствие, соседи или другие члены семьи называли Альбера *le grand séducteur*.¹³ Кто-то слышал, будто отец в Кемпере продает женскую обувь. Другой говорил, что он в Нанте торгует женским бельем.

– Он не так уж далеко, – пробормотала я, – и все же предпочитает не иметь с нами ничего общего.

Взгляд, который Габриэль бросила на меня тогда, был взглядом взрослого человека, намного старше, чем моя сестра. Взгляд был твердым и непроницаемым, словно панцирь, защищающий ее саднящую душу.

– Тем больше причин представить его тем, кем он не является, – отчеканила Габриэль.

Деревья трещали и кренились, опавшие листья закручи-

---

¹³ Великий соблазнитель (франц.).

вались вверх в безумном вихре, словно пытались вернуться на свое законное место на ветвях. Проникнув в монастырь, сильный порыв выбил щеколду на старых железных воротах, заставив их раскачиваться взад и вперед с громким металлическим лязгом. Я терпеть не могла ветер, который всегда пробирался внутрь, и от его порывов все скрипело и дрожало.

В тот же день я оказалась в лазарете; воскресная прогулка на холоде только ухудшила мое здоровье. Сначала мне было жарко, внутри все горело, а потом так же внезапно стал бить озноб. Я явственно представила, как шепчутся монахини, по обыкновению крестясь, когда речь шла о мертвых: «Болезненная, совсем как ее мать».

Сестра Бернадетта, исполняющая обязанности сиделки, завернула меня в мокрую простыню, чтобы унять жар, растерла мне грудь бальзамом, дала глоток крепкого вина и в качестве дополнительной меры предосторожности окропила мне лоб святой водой. Она уверила, что я буду жить, но лучше перестраховаться, чем потом жалеть.

Габриэль вызвалась дежурить у моей кровати. Благодаря этому она могла избежать катехизисов, рукоделия и читать вволю. Она крепко прижимала к себе Жития Святых, понизив голос настолько, чтобы сестра Бернадетта не слышала вместо испытаний и невзгод святых испытания и невзгоды «Танцовщицы из монастыря» Декурсея.

Выпитое вино и ровный голос Габриэль подействовали

успокоительно, и меня стало клонить ко сну. Я не сразу заметила, как мать-настоятельница и сестра Ксавье вошли в комнату. В этот момент Габриэль добралась до той части, где Иветта, крестьянская девушка, которая поменялась местами с балериной, прибывает в Париж.

Габриэль замолчала и быстро захлопнула книгу. Лица монахинь были серьезны. Неужели я все-таки умру? Поэтому они здесь? Аббатиса уставилась на меня, приподняв одну бровь так, что та почти касалась белой полоски, проходившей чуть ниже линии волос.

Моя сестра вскочила. Ее лицо стало таким бесцветным, что я различила полоски голубых вен на ее лбу, напоминавшие завитки плесени на поверхности сыра.

– Что вы делаете?! – воскликнула она. – Это не ваше!

Я приподнялась на локте и увидела в руках настоятельницы свою бело-голубую жестянку, в которую после прогулки положила монеты. Внутри меня все сжалось. А мне-то казалось, что я надежно спрятала ее в темном углу спальни, под кроватью.

Мать-настоятельница принялась цитировать Матфея:

– Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржавчина разъедают, где...

– ...воры проникают и крадут! – продолжила Габриэль, перебивая ее. Она бросилась к монахиням, выставив вперед руки и выпятив челюсть. Она больше не была танцовщицей из монастыря, чьему облику мы обе стремились подражать.

Она была крестьянкой, выросшей на улицах Оверни. – Это деньги Антуанетты, – сказала она. – Вы не имеете права их брать.

Я вздрогнула, испугавшись за свои монеты и за Габриэль. – Что с тобой происходит, Габриэль? – спросила сестра Ксавье. – Ты хорошо знаешь этот стих. А значит, вы с Антуанеттой должны понимать, что сокровище если и есть, то только на небесах, а не здесь, среди мирского.

Мне хотелось кричать, но я была слишком одурманена, голова раскалывалась от лихорадки. Мои монеты! Мои драгоценные монеты! Они были для будущего. Чтобы случилось Нечто Лучшее.

Настоятельница открыла жестянку.

– А вот это что такое? – возмутилась она, вытаскивая мои вырезки с *élégantes*, невестами и женихами, принцами и принцессами. – Вы должны собирать молитвенные карточки с изображениями святых, а не ложных идолов.

Снаружи продолжал завывать ветер, в окнах дребезжали стекла. Сломанные ворота лязгали, как старый, изношенный церковный колокол. Я была словно в тумане: ветер, звуки, презрение на лице настоятельницы – все это эхом отдавалось во мне. Я была слишком слаба, чтобы сопротивляться.

Но Габриэль не сдавалась. Она снова обратилась к монахине и на этот раз заговорила более сдержанно:

– Пожалуйста, матушка. В каждый наш приезд дедушка выдает нам по монете, чтобы мы побаловали себя. Я эгои-

стично трачу все деньги. Но Антуанетта всегда немного откладывает. Она могла бы покупать конфеты, ленты и безделушки, как я, но она этого не делает. Она экономит, чтобы, когда настанет время покинуть монастырь, у нее были средства, которые помогут ей начать новую жизнь.

Я наблюдала за твердокаменным выражением лица настоятельницы, надеясь, что оно смягчится, но этого не случилось. Она вынула маленькую монетку, подержала ее на ладони, а потом сжала ее старыми скрюченными пальцами.

– Мы должны подавать милостыню бедным и нуждающимся, – сказала она, – следуя примеру нашего Спасителя. Священники собирают пожертвования для католической миссии в Китае, чтобы накормить голодающих детей Шанхая. Эти деньги отправятся туда, и тем самым вы проявите благочестие.

Они развернулись и вышли, нижние юбки под их священными одеяниями шуршали по полу, четки, прикрепленные к поясам, болтались по бокам. Они жестом пригласили Габриэль пойти с ними.

Я беззвучно плакала. Где-то в глубине моего воспаленного мозга мелькнула мысль: по крайней мере монахини не упомянули о том, что мы лгали о нашем отце. Слезы все текли по моим щекам, и скоро моя подушка намокла, а я громко хлюпала носом. Я не была «Женщиной, которая глотает слезы».

Я плакала из-за Габриэль, которая все еще тосковала по

Альберу, но скрывала это под личиной гордости и лжи, из-за Джулии-Берты, которая видела призраков в каждом углу, из-за братьев, о которых ничего не знала. И я оплакивала потерю моей бело-голубой жестянки, которая была словно дополнительная камера моего сердца, самая священная из всех.

Я пробыла в лазарете неделю, озноб то проходил, то возвращался с новой силой. Джулия-Берта как-то принесла бульон, согретый меня изнутри, как мягкое одеяло. Спустя некоторое время мне стало лучше, но когда монахини входили в комнату, я надрывно кашляла и стонала. У меня не было желания вставать с постели. Я просто хотела спать.

Когда в конце недели вошла сестра Ксавье, я вздрогнула, попыталась зарыться в постель и исчезнуть. Я ждала, что она хлопнет в ладоши, закричит и вытолкнет меня из постели. Проснись, слава моя! Проснитесь, лира и арфа!

Но на этот раз она говорила не слишком громко. Она не называла меня слабой или неряшливой, не попрекала тем, что я закончу свои дни так же, как моя мать. Вместо этого она сообщила, что убедила настоятельницу не отдавать мои сбережения голодающим детям в Китае.

– Это было мудро с твоей стороны – сберечь деньги, – ска-

зала она. – И не быть столь расточительной, как Габриэль. Я сохраню их, Антуанетта, пока для тебя не наступит время уехать отсюда, тогда они тебе действительно понадобятся. А что касается голодающих детей в Китае – бедных и нуждающихся у нас достаточно и во Франции. Когда четыре года назад ты и твои сестры попали к нам, вы были страшно худые и грязные. Говорили только на патуа. Вы даже не знали Апостольского Символа Веры. А теперь декламируете его наизусть.

Она погладила меня по голове, и я с трудом сглотнула слюну. Я так плохо думала о сестре Ксавье, а она оказалась доброй и постаралась мне помочь.

Мне всегда казалось, что монахиням нужно одно – замучить нас. Но передо мной вдруг предстала картина из прошлого, я увидела себя и своих сестер такими, как мы приехали в Обазин, и то, как мы изменились. Они слепили нас, словно реки, вырезавшие Центральный массив. Они дали нам крышу над головой – другого дома у нас не было. Они подготовили нас к миру за стенами монастыря, и это много значило для нас. Даже у Декурселя принцы не женятся на девушках, которые говорят только на патуа.

ВОСЕМЬ

Мы были уверены, что пришло время покинуть Обазин и начать жить самостоятельно. Джулии-Берте было почти во-

семнадцать, Габриэль – почти семнадцать, а мне – тринадцать. Вылазки с Эдриенн во внешний мир только усиливали наше нетерпение.

Третий год подряд мы праздновали *le quatorzejuillet* в Клермон-Ферране. Я перестала копить деньги, которые давал нам дедушка. Несмотря на заверения сестры Ксавье, я боялась, что настоятельница передумает и отправит мои сбережения в Китай. Но то была не единственная причина, просто я нашла им другое применение. Пока Джулия-Берта помогала бабушке на рынке, Габриэль, Эдриенн и я посещали цыганку, которая шастала на окраине. Джулия-Берта, строго соблюдающая правила, считала все это богохульством и грехом. Но я руководствовалась стихом из Иеремии: «Ибо только Я знаю намерения, какие имею о вас». Возможно, Бог выгравировал эти планы на наших ладонях. И это казалось мне хорошим способом для Него уследить за всем. Или, быть может, в расстановке карт цыганки проявлялось нечто божественное.

Суеверие досталось нам от отца, который всегда носил в кармане пшеницу. «Для благополучия», – говорил он. Возвращаясь домой после долгого отсутствия, он устраивал драматическую сцену, поочередно кладя руку на голову каждому из нас: Джулии-Берте, Габриэль, Альфонсу, мне и Люсьену, затем пересчитывал нас: «Один, два, три, четыре, пять. Пять. Мое счастливое число». Теперь я знала, что все это пустые разговоры. Он никогда не считал, что ему повезло с

нами. Но когда мы были маленькими, Габриэль вслед за ним объявила цифру пять своим номером, начертив ее палкой на земле. В Обазине она вырезала пятиконечные звезды и полумесяцы, повторяя загадочные мозаики на полу коридора, которые мы всегда считали счастливыми и старались наступить на каждую, когда проходили там. Нам казалось, что они питают нас небесной силой.

На цыганке был пурпурно-золотой платок, из-под которого выбивались густые длинные и непослушные волосы, она ловко тасовала и раскладывала колоду Ленорман с загадочными картинками. В колоде были карты с изображением корабля, облаков, дерева, креста и гроба. Их всевозможные комбинации предполагали разные смыслы, которые могли интерпретировать только цыгане. Облака означали беду. Но облака, нависшие над холмами Центрального массива, как мешки с мукой, были обычным делом. Мы к ним привыкли. Деньги, любовь – вот что нас интересовало.

– Однажды ты будешь очень богата, – предсказала цыганка Габриэль.

– Она так говорит, чтобы я потратила на нее все свои деньги, – пробурчала моя сестра себе под нос.

– У тебя случится большая любовь, – сказала она Эдриенн, когда подошла ее очередь.

Эдриенн подалась вперед.

– Но за кого же я выйду замуж?

Чтобы получить больше ответов, обе девушки отправи-

лись к хироманту, тем временем цыганка читала мою судьбу.

Кольца на ее пальцах позвякивали, пока она перемешивала карты. Когда она разложила их, открылся гроб и уложенный поверх крест. Я ждала объяснений, но она молча смотрела на меня, словно пыталась изучить мое лицо; ее глаза, темные и бездонные, сверкали из-под низко надвинутого на лоб платка.

– Но ведь гроб может быть и хорошим знамением, – сказала я с надеждой. – Конец чего-то плохого, например. Или смерть чего-то нежелательного.

Она собрала карты, не проронив ни звука.

– Что это было? Что это значит?

– Иногда лучше не знать. – Я поймала ее предостерегающий взгляд.

Внутри меня словно заморозили. Мое сердце, легкие, даже кровь в венах. Неужели случится что-то ужасное?

– Пожалуйста, скажи мне!

Она внимательно посмотрела на меня.

– Ты уверена?

– Да!

Ее голос зазвучал приглушенно:

– Ранняя смерть.

Больше она ничего не сказала. Просто сняла с мизинца кольцо и протянула мне.

– Возьми это.

Широкое золотое кольцо с круглым желтым камнем, кра-

сивое, роскошное – что-то подобно в моем представлении могли носить *elégante*. Я никогда не держала в руках ничего столь великолепного.

– В камне заключена сила солнца, – сказала цыганка. – Он приносит тепло и свет в самые темные места.

Она произнесла что-то еще на незнакомом языке, потом ее глаза стали плоскими, как шторы на окне, и она отвернулась.

Ранняя смерть. Кто-то умрет молодым. Кто-то умрет раньше времени. Вдруг меня осенило, и я облегченно вздохнула. Наша мать. Карты были о Жанне.

Я показала кольцо Габриэль и Эдриенн. Сестра осмотрела его, будто была экспертом по драгоценным камням.

– Оно не настоящее, – заявила она.

– С чего ты взяла? – спросила я.

– С того, что его дала тебе цыганка.

Эдриенн подскочила.

– Наоборот! Это значит, что, вероятнее всего, оно настоящее. Цыгане умеют заполучить что хотят. О, Нинетт, только подумай, ведь когда-то оно могло принадлежать королеве!

Габриэль покачала головой.

– У королев толстые пальцы. Кольцо слишком мало. Оно никогда не подойдет королеве.

– Ну что ж, – возразила я, не позволяя ей все испортить, – зато это как раз подходящий размер для принцессы.

ДЕВЯТЬ

У нас с Габриэль был общий секрет: мелодрамы под половицами, страницы из Декурселя, спрятанные в учебниках и священных книгах. На моей шее на шнурке висело цыганское кольцо, скрытое под рубашкой.

Но когда лето сменилось осенью, Джулия-Берта удивила всех куда более серьезным секретом. Мы с Габриэль, так увлеченные миром Декурселя, упустили его. Никто ничего не замечал. До того дня, когда сестра Женевьева отправилась в садовый сарай за веревкой, чтобы привязать ворота, раздражающие своим лязгом.

Мы с девочками сидели у печи в швейной мастерской и в десятитысячный раз упражнялись в шитье. Элен все рассказывала и рассказывала о мальчике из города, который работал за продуктовым прилавком. Она ездила туда на каникулы со своей двоюродной бабушкой. Его пальцы коснулись ее ладони, когда он протянул ей сливу. И, по словам Элен, это означало, что он влюблен в нее. Она продолжала бубнить, как вдруг откуда-то из глубины монастыря раздался громкий вопль, заставивший всех нас подскочить.

Иголка с ниткой выскользнули у меня из рук и упали на пол. Похоже, то была Джулия-Берта. Однажды она долго оставалась безутешной, когда горный ястреб схватил крольчонка и улетел, зажав бедняжку в острых когтях. Она горько

плакала, когда нашла на земле птичье гнездо, а в нем разбитые яйца, кусочки скорлупы, двух невылупившихся птенцов, розовых и сморщенных, у которых никогда не вырастут перья и которые никогда не полетят.

Но сейчас она кричала по-другому.

Я в панике бросилась на звук громких рыданий, Габриэль бежала следом. Мы неслись по коридорам, потом вниз по истертым каменным ступеням широкой лестницы, к комнате настоятельницы, и остановились только перед закрытой дверью. Было слышно тихое бормотание монахинь. Джулия-Берта плакала, повторяя снова и снова:

– Но он говорил, что любит меня.

Он?

Мы с Габриэль ошарашенно переглянулись. Через дверь доносились обрывки слов сестры Бернадетты:

– ...это был сын старого кузнеца... тот самый, который должен был починить ворота... неудивительно, что они до сих пор сломаны... если бы я не вошла в садовый сарай в тот момент... на грани плотского познания...

Затем «Иисус, Мария, Иосиф», затем раздался стук четок.

На мгновение я затаила дыхание. Джулия-Берта, строго придерживающаяся правил! Джулия-Берта, которая делила мир на правильный и неправильный, добрый и злой! Джулия-Берта тайком встречалась с мужчиной?!

– Но он сказал, что любит меня, – снова всхлипнула она, обращаясь к монахиням. – Любит и хочет жениться.

Голос настоятельницы будто прорезал воздух.

– Жениться на тебе? Он уже женат! У него совсем недавно родился ребенок, его крестили прямо здесь, в храме.

За дверью стояла глубокая тишина, тяжелая, наполненная болью Джулии-Берты.

– Нет, – сказала она слабым голосом. – Нет. Это не может быть правдой. Он хочет жениться на мне. Зачем ему говорить, что он хочет жениться на мне, если он уже женат?

Я словно окаменела, ее слова эхом отдавались у меня в голове. Женатый мужчина. Мужчина, который лгал. Мужчина, у которого дома – жена и ребенок. А *séducteur*. Совсем как наш отец.

Здесь, в обители, прямо у нас под носом, Джулия-Берта была обманута мужчиной.

Дверь открылась, мы с Габриэль отпрянули. Джулия-Берта вышла, опустив глаза, лицо ее блестело от слез, с обеих сторон ее поддерживали монахини. Сестра Бернадетта, следующая за ними, твердила, что они должны найти священника, найти немедленно, не теряя времени.

Они исчезли в коридоре, когда еще несколько монахинь выпорхнули из кабинета настоятельницы, слишком потрясенные, чтобы обратить на нас внимание. Потом появилась сестра Ксавье.

– Что вы здесь делаете? – строго проговорила она. – Возвращайтесь в мастерскую.

– С Джулией-Бертой все будет в порядке? – спросила я.

– Что с ней будет? – в свою очередь спросила Габриэль. Монахиня строго посмотрела на нас.

– Вечный покой ее души в опасности. Ваша сестра совершила тяжкий грех против скромности.

Она перекрестилась и бросилась прочь.

Я взглянула на озадаченное лицо Габриэль. Она только качала головой и что-то бормотала себе под нос.

– Если ты собираешься грешить против скромности, – услышала я, – стоит, по крайней мере, делать это с кем-нибудь богатым.

Мы с раннего детства знали об отношениях между мужчинами и женщинами. Мы жили в маленьких комнатах с тонкими стенами или вообще без стен. Мы видели кошек в переулках, коз в загонах, скот в полях. Мы знали, что дети появляются не из капусты.

Помнила ли Джулия-Берта, что делали отец с матерью, когда он возвращался из своих странствий? Помнила ли она возню по ночам, тени на стенах? Наша мать называла это *faire l'amour*. Заниматься любовью. Джулия-Берта, понимавшая только простой смысл слов, должно быть, думала, что «заниматься любовью» – это словно вязать свитер, что это нечто осязаемое, что можно будет сохранить.

Сиротки в монастыре говорили о свиданиях Джулии-Берты с сыном старого кузнеца как о большом скандале. Монахини часто повторяли предостережение святого Иеронима: «Ты носишь с собой большую сумму золота, позаботься о том, чтобы не встретить разбойников». Когда они говорили это в прошлом, мне хотелось смеяться. Все прекрасно знали, что у нас нет никакого золота. Но теперь фраза приобрела смысл. Джулия-Берта встретила разбойника с большой дороги, и он почти заполучил ее драгоценность.

Бедная Джулия-Берта! Она была подавлена. Не потому, что согрешила, не потому, что во время мессы ей было запрещено причащаться и она оставалась сидеть, пока другие выстраивались в очередь. Не потому, что во время трапезы и в течение дня ее заставляли поститься и проводить дополнительное время в молитве или богослужении Крестного пути¹⁴.

А потому, что при любой возможности она смотрела в окно, на сломанные ворота, в надежде найти во дворе сына старого кузнеца, но его там не было. Его изгнали, и вход в монастырь отныне был ему заказан.

Джулия-Берта была старше меня, но при этом более мягкой и доверчивой, поэтому однажды утром, уходя с мессы, я прошептала Габриэль:

---

¹⁴ Богослужение Крестного пути или Крестный путь (*лат.* Via Crucis) – традиционное католическое богослужение, воссоздающее в памяти христиан основные моменты страданий крестного пути Иисуса Христа.

– Мы должны защитить ее. Ей уже исполнилось восемнадцать. Монахини не позволят ей долго оставаться здесь. Они отправят ее куда-нибудь горничной или прачкой, и некому будет за ней присматривать.

– Посмотри, что случилось, когда мы вроде как присматривали, – сказала Габриэль. – И как мы не догадались, что она ускользает?

Мы, знавшие Джулию-Берту лучше всех, понятия ни о чем не имели. Я предполагала, что она уходит, чтобы покормить птиц хлебными крошками или диких кошек объедками. Я должна была быть внимательнее!

– Не волнуйся, – успокоила меня Габриэль. – Монахини пока не собираются ее отсылать, только не сейчас, когда они могут использовать ее в качестве примера того, что нам не следует делать.

И она оказалась права. Теперь монахини проводили бесконечные часы, катехизируя против грехов плоти. Сестра Женестьева требовала стоя читать в унисон отрывки из Послания к Га-латам: «Дела плоти известны; они суть: прелюбодеяние, блуд, нечистота, непотребство... поступающие так Царствия Божия не наследуют».

Монахини также использовали примеры о мучениках из Жития Святых, навсегда вколачивая мрачные деяния этих святых духов в темных уголки нашего разума.

«Столкнувшись с сильнейшими плотскими искушениями, Святой Бенедикт сбросил свою рясу и бросился в куст

терновника и крапиву».

«Святой Бернар из Клерво погрузился в ледяную реку в разгар зимы».

«Святой Франциск Ассизский катался голым по снегу и едва не умер от обморожения».

– Как вы думаете, это сработало? – спросила Джулия-Берта меня и Габриэль однажды днем, во время отдыха через несколько недель после инцидента. Она протянула молитвенную карточку, которую всегда носила в кармане: на ней к святому Франциску слетались птицы. – Думаете, холодный снег очистил его от греховных мыслей?

– Не будь дуручкой, – сказала Габриэль. – Святые не настоящие. Все эти истории церковь придумала, чтобы запугать нас.

– Конечно же, святые существуют! – не согласилась Джулия-Берта. – Они есть в книгах.

Я не знала точно, настоящие они или нет, но беспокоилась о Джулии-Берте. Прошел целый месяц, а она продолжала при первой возможности выглядывать в окно. Ее взор всегда был устремлен в сторону ворот. Но вскоре пришел однорукий старик с длинной седой бородой и починил их. Они больше не лязгали.

ДЕСЯТЬ

Я должна была догадаться обо всем в тот момент, когда

небо посерело, воздух словно застыл, тяжелые облака низко опустились над горными вершинами и на землю упали первые хлопья снега. Они становились все гуще и гуще, пока весь внешний мир не облачился в белое, как во время причастия.

В классе было тепло и сухо, и я, не обращая внимания на очередную метель, задумалась над математической задачей, написанной на доске. Пьеретту вызвали ее решать; идя между парт, она посмотрела в окно и вскрикнула. Мы все бросились к окнам, даже сестра Ксавье, которая ахнула и велела нам вернуться на свои места.

– Опустите головы и молитесь! – почти прокричала она, вылетая за дверь; ее головной убор трепетал, словно пара крыльев.

Но мы стояли как замороженные и смотрели на голую Джулию-Берту, катающуюся по сугробам, ее бледная кожа почти сливалась с белым снегом. Монахини выбежали из здания; когда они пытались поднять ее, от заполошного дыхания у их лиц клубился пар, ветер нещадно трепал их юбки.

Мое сердце колотилось в груди, будто в подушечку для булавок втыкали тысячу острых иголок.

– Что она делает? – перешептывались девушки.

Они не видели того, что было известно мне: святой Франциск катается голый по снегу. Она пыталась очиститься от греховного искушения, от своего плотского желания к сыну старого кузнеца.

Наконец сестра Ксавье, накинув на бедняжку черные шерстяные монашеские шали, подхватила ее на руки и понесла к двери. Как долго Джулия-Берта там пробыла?

Я ринулась вниз, в лазарет, но его двери были закрыты. Габриэль уже стояла там, и мы молча обнялись.

– С ней все будет в порядке, – сказала сестра Бернадетта, когда нас наконец впустили. Джулия-Берта спала; я опустилась на колени у кровати и взяла ее за руку, чтобы пощупать пульс; одеяло медленно вздымалось на ее груди.

О, Джулия-Берта! Если бы только раны и печали можно было излечить в свежесвыпавшем снегу. Если бы только тоска по любви заглушалась холодом и льдом, я бы каталась там вместе с тобой.

Я не удивилась, когда несколько недель спустя монахини сообщили нам, что наша бабушка едет в монастырь. После пребывания в лазарете Джулии-Берте трижды удалось улизнуть в город. Она бродила в поисках сына кузнеца, пока кто-нибудь не находил ее и не приводил обратно.

Ей нельзя было оставаться в Обазине.

Однажды днем, складывая наволочки, я услышала разговор настоятельницы и сестры Ксавье, стоявших у бельевого шкафа.

– Для Джулии-Берты лучше быть в кругу семьи, – тихо проговорила матушка. – Их бабушка с дедушкой переехали в Мулен, и Джулия-Берта вполне может пожить у них. Что касается Габриэль и Антуанетты, вы уже говорили с матерью аббатисой?

– Да, – быстро ответила сестра Ксавье, словно желая ее успокоить. – Они все время под строгим наблюдением. Она заверила меня, что их добродетель будет в безопасности.

– А двери? – В голосе настоятельницы слышалось сомнение.

– Все время запираются. Им будет разрешено покидать помещение только для мессы и других благочестивых целей.

– Но солдатские казармы... – начала мать-настоятельница.

– На другом конце города. Далеко от пансионата.

Я уронила наволочку.

Казармы.

Пансионат.

Мне не терпелось рассказать об этом Габриэль. Мы поедem в Мулен, в пансион Нотр-Дам! Мы будем рядом с Эдриенн.

Новые силуэты

Мулен

1900–1906

ОДИННАДЦАТЬ

Когда в первый день пребывания в пансионе Нотр-Дам я расположилась за обед в столовой, ко мне подошла Эдриенн и, наклонившись поближе, зашептала:

– Нинетт, ты не на своем месте. Здесь сидят *payantes*¹⁵.

Payantes, объяснила Эдриенн, это богатые девушки, за которых платят их родители. Мы назывались *nécessiteuses*¹⁶. И имели возможность находиться здесь за счет благотворителей. Я быстро усвоила, что в пансионе у каждого свои места. Наше оказалось на самом дне.

– Посмотрите, как они едят, – хмурилась Габриэль, глядя на столик богачек в другом конце комнаты. – Точно свиньи у корыта. А вот эта уродина! – продолжала она. – Ее кожа похожа на Центральный массив, а подбородок – словно Пюи-де-Дом. И все же она уверена, что лучше нас. И та, – кивнула

---

¹⁵ Платные, те, кто платят (*франц.*).

¹⁶ Неимущие (*франц.*).

она в сторону темноволосой девушки, сидевшей к нам ближе всех. – Если ты богат, это вовсе не означает, что тебе не нужно мыться. Я даже отсюда чувствую, как от нее несет.

У нас были разные столы, разные спальни, разные классы, разная форма. Мы все носили черные блузы и юбки, но если у *payantes* они были новые и хрустящие, из гладкой и дорогой ткани, то у нас – плохо подогнанные, с чужого плеча, с маслянистым блеском от износа, выцветшие от слишком частых стирок. Мы надевали поверх формы фартуки, потому что, пока *payantes* наверху упражнялись в игре на пианино или причудливом рукоделии, мы внизу мыли полы или скребли кастрюли. Все ученицы носили на плечах пелерины, маленькие накидки, похожие на цветочные лепестки; у них – из роскошного темно-красного кашемира, у нас – из черной шерсти, грубой и узловатой, будто *payantes* были розами, а *nécessiteuses* – сорняками.

В Обазине мы сознавали в полной мере, что бедны, но там были бедны все. Мы не думали об этом постоянно. Здесь же нам напоминали о нашем скромном положении каждую минуту.

Даже на торжественной Мессе у *nécessiteuses* было свое место.

В соборе богатые девушки первыми проходили в престижную центральную часть нефа вместе с остальной паствой, в то время как мы, олицетворение католической благотворительности, ютились в стороне и кое-как размеща-

лись под парящими сводами и стрельчатыми арками, среди скульптур, горгулий и разноцветных витражей, которые Габриэль называла грубыми. Все это так отличалось от строгой простоты Обазина! Канониссы присоединялись к *payantes*, напоминая богатых старых тетушек; возможно, так оно и было. Только одна пожилая канонисса, сестра Эрментруда, сидела с нами в качестве наставницы; очевидно, при жеребьевке ей досталась короткая палочка.

– Удивительно, что они считают нас достойными Тела Христова, – вздохнула Габриэль однажды. Это было в воскресенье, когда мы только что приняли святое причастие и снова опустились на колени для долгой безмолвной молитвы.

– Тело получают они, – усмехнулась я. – Скорее всего, нам достается рука или нога.

Я не собиралась их смешить, но стоявшая рядом со мной на коленях Эдриенн фыркнула. Краем глаза я заметила, что она пытается сдержать смех. Ее плечи тряслись. Лицо порозовело. Зараза перекинулась на Габриэль, а потом на меня. Чем больше мы старались сохранять серьезный вид, тем смешнее нам становилось. Девушки, стоявшие поблизости, смотрели на нас и хмурились, боясь, что мы можем навлечь на всех неприятности. Смех во время мессы был практически смертным грехом.

Но сестра Эрментруда плохо слышала, а остальные канониссы находились далеко, по другую сторону прохода. Они

никак не могли нас видеть и слышать. Они даже не могли дотянуться до нас палкой. Высокие и могучие, защищенные своим высоким и могучим миром, они понятия не имели, чем могут заниматься низшие.

ДВЕНАДЦАТЬ

– Пусть мы не можем позволить себе дорогих тканей, – заявила Габриэль, – зато можем подогнать форму так, чтобы она отлично сидела. Эти овцы ничем не лучше нас.

Когда мы впервые прибыли в пансион полгода назад, нам выдали по два комплекта униформы *nécessiteuse*. Теперь, в комнате Эдриенн – любимицы канонисс, благодаря чему в ее распоряжении была монашеская келья, – я, не скрывая тревоги, тарасилась на вторую униформу Габриэль, распоротую по всем швам: рукава и воротник вместе с частями юбки разложены на кровати, как кусочки головоломки.

– Не волнуйся, – успокоила она меня. – Я соберу все кусочки вместе, да так, что они будут отлично подогнаны. Посмотрите, какие дурацкие рукава. Мы похожи на клоунов. А эти юбки! Как будто мы бегаем в мешках на ярмарке.

Это было правдой. Я весь день ходила, чувствуя себя картошкой с ногами. В то время как Эдриенн казалась гармоничной даже в подобной униформе: ее естественная грация каким-то образом компенсировала плохое качество платья. Наши с Габриэль хрупкие фигурки терялись в ткани, подоб-

но Ионе в чреве кита¹⁷. Наши несуразные рукава попадали в суп, в чернильницы, в воду для мытья посуды; во время ходьбы мы спотыкались о длинные подола юбок, потому что цеплялись за них носками ботинок.

Я знала, что канониссы накажут Габриэль за уничтожение чужого имущества, за тщеславие, за множество других грехов, о которых они будут голосить, как Моисей, с громом и молнией, под звуки труб. Но потом я вспомнила, как смотрят на нас богачки – всегда свысока! – и принесла свою запасную форму и распорола на ней швы. Каждый раз, когда я дергала за ниточку, мне казалось, что я дергаю за волосы ухмыляющуюся *rayantes* или смягчаю напряженные выражения лиц монахинь.

В течение двух недель мы работали тайком, при любом удобном случае. Эдриенн помогала когда могла.

– Нинетт, у тебя слишком крупные швы. Сделай потоньше, – наставляла меня Габриэль, и ее густые черные брови сходились на переносице, образуя морщинку.

– Вынь эту нить, Нинетт, и сделай шов еще раз. Он кривой.

– Нет, Нинетт, не слепой стежок. Используй перекрестный, чтобы подшить подол. Тут нужна дополнительная поддержка.

Было время, когда мне хотелось ткнуть ее иголкой. Но это

---

¹⁷ Пророка Иону, по повелению Божию, проглотил кит, и пробыл Иона во чреве кита три дня и три ночи.

была серьезная работа. Мы не просто подшивали или вышивали крестиком простыни и наволочки для чужой постели, как это было в Обазине. Здесь все было иначе. И моя сестра была так же придирчива к своей работе, как и к моей. Если ее что-то не устраивало, она начинала все сначала и заставляла меня делать то же самое. Теперь, когда она делала это для себя, шитье приобрело для нее привлекательность. Она примеряла свою обновленную форму и внимательно изучала ее в отражении окна, а потом заставляла меня примерять свою, одергивая ее так и эдак.

– Нет, – качала головой Габриэль. – Нет. Все равно неправильно.

Когда она наконец осталась довольна, наступило время для нашего грандиозного выхода.

На восходе, в тусклом утреннем свете, я застегнула свою новую блузку, разгладила юбку, расправила плечи и выпятила грудь. Весь день во время уроков и за едой остальные *nécessiteuses* бросали на нас любопытные взгляды. Даже кое-кто из *payantes*, обычно не обращавших на нас внимания, украдкой рассматривал нас.

Дизайн одежды почти не изменился. Наши правки были едва уловимы. Однако теперь форма сидела как влитая, подчеркивала тонкие талии, до этого скрытые под массой ткани, и позволяла нам свободно двигаться. Словом, мы смотрелись вполне достойно.

Нет, мы не казались состоятельными, но выглядели Кем-

то Лучше и впервые чувствовали себя именно так.

Наши новые силуэты заметили не только девушки.

В тот же день перед обедом нас с Габриэль позвали в кабинет матери-настоятельницы. Аббатиса преподавала естественные науки, повсюду на стенах висели рамки, где аккуратными рядами были приколоты бабочки, ниже располагались витрины с окаменелостями и костями, все классифицировано и помечено, все на своих местах. Я никак не могла отделаться от ощущения, что в воздухе витает запах мертвечины. Среди этих реликтов, неодобрительно хмурясь, стояли сестры Гертруда и Иммакулата. Мы присели в реверансе, потом сложили руки перед собой и уставились в пол.

– Что вы сделали со своей одеждой? – спросила сестра Иммакулата.

– Мы просто подогнали ее по фигуре, – ответила Габриэль. – Теперь она нам подходит.

– Значит, подходит? – процедила сестра Гертруда. – А чем, позвольте спросить, ваша одежда не устраивала вас раньше? Разве она не прикрывала вашу плоть? Не защищала вас от холода? Не говорила о вашей скромности?

– Все так, сестра, – ответила Габриэль, поднимая глаза. – Но она также мешала.

– Мешала чему? – уточнила мать-настоятельница, и по ее лицу поползли розовые пятна. – Твоей гордыне?

Сестра Иммакулата подошла поближе, надела очки и осмотрела рукав Габриэль, кромку подола и шов на плече.

– Хм, – только и проговорила она.

Затем повернулась ко мне, изучила юбку, боковой шов, пояс.

– Хм, – повторила она.

Сестра Иммакулата заставила нас поднять руки и повернуться. Затем протянула свои очки сестре Гертруде, которая внимательно осмотрела сделанные нами швы; то же самое проделала мать-настоятельница.

– Очень аккуратно, – пробормотала она. – Никаких ненужных украшений. Отличная работа.

– Швы ровные и почти незаметны, – подхватила сестра Гертруда, и сестра Иммакулата кивнула в знак согласия.

Габриэль скрестила руки на груди.

– Одежда *rayantes* хорошо подогнана. Почему нашу нельзя подогнать?

Канониссы напряглись. В комнате словно перестало хватать воздуха. Мне захотелось протянуть руку и дернуть Габриэль за ее идеально сшитый рукав.

Сестра Гертруда шагнула к Габриэль. Палец монахини был так близко к вздернутому подбородку моей сестры, что почти касался его.

– Вы, мадемуазель Шанель, гордая девушка. Именно гор-

дыня превратила Люцифера в сатану. Гордость заставила Еву вкусить запретный плод. Гордость есть начало греха, и тот, кто имеет ее, изольет мерзости...

Мать-настоятельница подняла руку, прерывая этот поток красноречия.

– В часовню, мадемуазель. Вы обе можете носить свою перешитую форму, но прямо сейчас вместо обеда вы встанете на колени и будете молиться за свои души. В Послании к Колоссянам сказано: облекитесь в сердечное сострадание, в великодушие и смирение. Вот что важно.

Всю дорогу до часовни мое лицо горело. Смирение? *Rayantes* не были одеты ни во что, кроме высокомерия. Я опустилась на колени, но, вместо того чтобы молиться о смирении, вознесла благодарность. Монахини всегда говорили о прозрении, и теперь, благодаря гордой Габриэль, оно впервые нашло на меня. Нам не нужно мириться с той участью, которую нам уготовили. С плохо сидящей формой, с чем бы то ни было. Больше – нет! Не теперь, когда у нас есть желание и наши умелые руки.

Это нечто большее, чем просто облегающая юбка или блузка. Это – о будущем, о силе, которую я никогда не чувствовала раньше, и все это из-за кроя ткани и расположения швов.

ТРИНАДЦАТЬ

В Мулене воздух низко гудел днем и ночью, город пульсировал, шумы и запахи *la vie*¹⁸ просачивались сквозь стены, полы, окна. В мире сменялись времена года, и только в пансионе Нотр-Дам все оставалось неизменно.

Я не был уверена, что хуже: быть так далеко от жизни, гор и лесов или быть так близко, что можно услышать ее по ту сторону запертых дверей, но не иметь возможности дотронуться.

С тех пор как бабушка с дедушкой перебрались в Мулен, поездки в Клермон-Ферран прекратились. Нам позволяли выходить из пансиона только на воскресную мессу. Мы парами шли по узкой мощеной улице к ближайшему собору, искоса поглядывая на училище для мальчиков, чтобы хотя бы мельком увидеть их: в черных рубашках и широких черных галстуках, курящих *crapulos*¹⁹ во дворе, подальше от глаз учителей. Каждая надеялась поймать на себе их взгляд. Если мы оборачивались, проходя мимо *Hôtel de Ville*, рассматривая стильных путешественников с кучей чемоданов, шляпных коробок и впечатлений от других мест, канониссы брали нас.

– Следите за глазами! – шипели они, предупреждая нас,

---

¹⁸ Жизнь (*франц.*).

¹⁹ Дешевое курицево на сленге.

чтобы мы не зевали.

Мы жили в Мулене чуть больше года. В июне мне должно было исполниться шестнадцать, я вытянулась. И теперь носила длинную, доходящую до лодыжек юбку и рубашку, которая застегивалась спереди, а не сзади. У меня начались менструации, и Габриэль показала мне, как пользоваться тканью и марлей. «Англичане высадились на берег», – говорили мы, девушки, когда это происходило (английские солдаты носили красные мундиры). Или это был «момент Луны». В Обазине монахини называли это проклятием, доказательством наших грехов и нечистоты, покаянием за предательство Евы в Эдемском саду.

– Это проклятие, – впервые согласилась с ними Габриэль. – Но это также означает, что здесь нам осталось недолго. Мы сможем уехать и жить, как хотим, стать теми, кем хотим.

Я знала, кем хочу быть, но никогда не думала о том, как именно я этого достигну. Героинь Декурселя обязательно ждал счастливый конец.

Для Эдриенн этот счастливый конец внезапно оказался под угрозой.

У нее появился поклонник, мсье Франсуа Кайо, деревенский нотариус из Варенна, маленького провинциального городка, куда она часто ездила навещать свою сестру Джулию. Он засыпал девушку любовными письмами, и Эдриенн читала их с величайшим огорчением.

– Он стар, а я молода, и если я думаю о нем, мое сердце не

парит, мой пульс не учащается, – объяснила она мне и Габриэль однажды днем, когда мы прогуливались в маленьком парке перед пансионом. Подобные прогулки стали доступны нам только потому, что Эдриенн, любимица канонисс, была нашей тетей. В мелодрамах, как правило, герои узнавали, что они влюблены, благодаря парящим сердцам и бешено бьющемуся пульсу. – У меня не кружится голова и не подкашиваются ноги. Я просто чувствую себя подавленной.

Месье Кайо не был кавалерийским офицером в алых бриджах. Он не появлялся на страницах светских газет и журналов. В нем не было ничего от героев Декурселя. Месье Кайо, овдовевший, толстый, почти вдвое старше Эдриенн, просто нуждался в жене, которая готовила бы, убирала и отстирывала чернила с его манжет.

– Поначалу, – призналась Эдриенн, – я не задумывалась над тем, что в каждый мой приезд в Варенн Джулия приглашает его на ужин. Представить не могла, что это намеренно. Даже несмотря на то, что она постоянно твердила, какая это отличная партия, я не обращала на месье Кайо внимания. Но теперь они хотят, чтобы я вышла за него замуж!

Они – тетя Джулия и бабушка – были в восторге от этого брака.

– Говорят, это большая удача для дочери бродячих торговцев, – чуть не плакала Эдриенн. – Они утверждают, что у меня больше никогда не будет такого шанса.

Наша бедная тетя вертела в руках носовой платок. Не о

таком будущем она мечтала. Не о таком будущем мечтали мы.

– Но ведь ты не собираешься выйти за него замуж? – спросила я.

– За старого деревенского нотариуса? Конечно, нет! – ответила за нее Габриэль.

Но почему молчит Эдриенн?

Наконец она остановилась и повернулась к нам с выражением чистой муки на лице.

– Я просто не знаю, как сказать об этом Джулии и маме. Они будут так разочарованы!

– Просто скажи им, что ты этого не сделаешь, – взволнованно произнесла я. – Они не могут заставить тебя. Ты никогда не будешь с ним счастлива.

– Скажи им, что Марии-Антуанетте было велено выйти замуж за Людовика Шестнадцатого, и посмотрите, что с ней случилось! – Габриэль издала булькающий звук и провела пальцем по шее, словно разрезая ее.

Эдриенн не рассмеялась и даже не улыбнулась.

– Что, если они правы? – спросила она. – Что, если месье Кайо – лучшая партия, на какую я могу рассчитывать? Я дочь торговцев. С чего мне вообще чудится, будто я достойна большего?

Эти слова огорчили меня.

– Они не правы! – запротестовала я. – Ты достойна лучшего!

Все очень просто. Я подумала, но не произнесла это вслух, потому что ощутила себя пустой, как тростник. «Если уж ты не достойна, что тогда говорить о нас?»»

Эдриенн с трудом убедила тетю Джулию пригласить меня и Габриэль в Варенн на праздник Первое мая – *lafête du muguet*²⁰. Мы не носили алых бриджей, но были готовы сражаться с этой тетушкой, которую мы никогда не встречали и которая не признавала истинной ценности Эдриенн.

Тетя Джулия, та самая, что познакомила нас с мелодрамами. Эдриенн говорила, что у нее дома их целая куча, вместе с журналами и корзинами, полными швейных изделий, из которых она делала всевозможные украшения для одежды, штор и обивки. Ее любимым занятием была отделка шляп.

Она покупала простые шляпки в универмаге в Мулене или в Виши, затем нашивала на них перья, шелковые цветы и ленты, иногда все сразу.

– Джулия – кутюрье, – сообщила Эдриенн. – Она продает одежду и шляпы дамам из Варенна.

– Дамам из Варенна? – переспросила Габриэль. – Сколько их там? Три?

– Три дюжины, – рассмеялась Эдриенн. – Наверное.

Тетя Джулия сама приехала за нами в Мулен, ее небрежно надетая шляпка была украшена лентами и множеством перьев.

---

²⁰ 1 Мая во Франции – это не только праздник труда, но еще и праздник ландыша.

Она размахивала в воздухе железнодорожными билетами. Благодаря ее мужу Полу – начальнику станции – всем Шанель был обеспечен бесплатный проезд.

– Пошли скорее, – сказала она. – Иначе мы рискуем опоздать на поезд.

Выйдя из пансиона, мы прошли мимо сверкающих черных ландо, запряженных четверкой лошадей, ожидающих *payantes*, чтобы отвезти их на праздник. В теплом воздухе витал аромат ландышей, прекрасными букетами которых были заполнены все цветочные лавки. Сирень цвела пурпурными гроздьями, на деревьях мерцали и плясали листья, чувствуя себя свободными, хотя, подобно нам, они были связаны. Тетя Джулия и Эдриенн шли впереди, а мы с Габриэль следовали за ними, делая вид, что мы заядлые путешественницы, а не бедные родственницы с ограниченными возможностями и бесплатными билетами. На улицах было не протолкнуться из-за лошадей, повозок и экипажей, город жил в своем ритме, люди толпились в кафе и магазинах.

На вокзале носильщики тянули за собой тележки, нагруженные чемоданами и сундуками. Здесь я вдруг заметила, что Эдриенн двигается чуть медленнее, слегка покачивая бедрами, и Габриэль тоже. Оглядевшись, поняла, почему. Мы как раз проходили мимо группы офицеров с лихо закрученными усами и в алых бриджах. Они смотрели на Эдриенн и Габриэль с интересом, как кошки на мышей. Странная, но приятная вибрация прошла сквозь меня, когда я поймала их

взгляды на себе. Я постаралась идти плавно.

Но когда мы дошли до платформы, тетя Джулия строго посмотрела на Эдриенн и, прежде чем обратиться к кондуктору, произнесла:

– Господа офицеры не женятся на дочерях коробейников.

Ее слова причиняли боль. Габриэль попыталась успокоить Эдриенн, стоявшую с остекленевшим взглядом:

– Сейчас одна тысяча девятьсот второй год. Новый век. Любой офицер предпочел бы тебя *rayante* с плоским лицом.

На вокзале Варенна нас встретил дядя Поль, к счастью, без сопровождения старого толстого джентльмена с чернильными пятнами на манжетах. На нем была шляпа-дот, украшенная золотой тесьмой, и он имел осанку генерала, командующего войсками – правда, железнодорожными. Длинный солидный сюртук доходил ему до колен, манжеты были украшены золотыми галунами, медные пуговицы с надписями «Chemin de Fer» и «Paris Orleans» ослепительно сверкали. На шее у дяди висел свисток. Он так же, как и офицеры, был человеком в форме, но совершенно не походил на них, его манера поведения не отличалась ни дерзостью, ни развязностью. Тетя Джулия шла рядом с ним с нарочито надменным видом. Здесь, в Варенне, ее муж имел какой-то вес, а значит, и она тоже.

Но в отличие от Мулена в Варенне не было публики, которой дядя Поль мог бы руководить. Пока мы шли по тихой Авеню-де-ля-Гар, отдаляясь от центра города, мимо нас вре-

мя от времени проезжали на телегах фермеры или подмастерья, но ни экипажей, ни ландо не было видно. Дома аккуратно выстроились в один ряд, не так, как в Мулене, где они буквально громоздились друг на друге вдоль узких извилистых дорог. Тут не было никакой суеты, лишь звук наших шагов по старой булыжной мостовой. Варенн был еще одной деревней, похожей на Обазин. Пригоден для стариков и тех, кто нуждается в деревенском воздухе, но это точно не то место, где Эдриенн хотела бы провести остаток своей жизни.

К счастью, дом тети Джулии и дяди Пола со светло-голубыми ставнями и оконным ящиком, увитым пышной красной геранью, выглядел довольно веселым. На первом этаже располагались гостиная и кухня. Наверху, как сказала нам Эдриенн, находились три маленькие спальни. Я в изумлении оглядывалась вокруг. Желтые занавески в разноцветных лентах и цветочках обрамляли окна. Подушки были взбиты и расшиты бисером, скатерти отделаны кисточками и галунами. Казалось, тетя Джулия стремилась украсить все, даже маленьких мальчика и девочку, которые вышли поприветствовать нас. Я и забыла, что у нее тоже есть дети. Они направились прямо к Эдриенн, которая обняла их.

– Это Марта, – сказала тетя Джулия нам с Габриэль, положив руку на плечо девочки в платье с бесчисленными оборками. – А это Альбер.

Я внутренне съежилась. Альбер. Тетя Джулия назвала своего единственного сына в честь нашего отца.

Должно быть, они были близки. Но, очевидно, любовь к брату не распространялась на нас. После смерти матери мы вполне могли жить в этом доме с его дружелюбной геранью и причудливыми занавесками. Места было предостаточно. И тогда бы мы тоже носили платья с кучей оборок.

Я покосилась на Габриэль. В ее холодном взгляде читались мои мысли. Где бы мы ни были, всегда одно и то же. Пребывание рядом с *payantes* – напоминание о том, что мы *nécessiteuses*. Быть рядом с семьей – напоминание о том, что мы никому не нужны.

Кроме Эдриенн.

Она помогала нам, когда никто и не пытался. Теперь мы поможем ей.

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ

При первой возможности мы принимались по очереди читать вслух истории о сердечных делах. Но тетя Джулия, не обращая на это внимания, хвалила месье Кайо, который был «уважаемым арбитром конфликтов», «умным составителем контрактов» и «доверенным хранителем семейных тайн».

– Джулия, – наконец не выдержала Эдриенн, натянуто улыбаясь и отчаянно пытаясь перевести разговор. – Почему бы тебе не показать Габриэль и Антуанетте, как делать цветочки из ткани?

– Как те, что на занавесках? – подхватила я, пытаюсь по-

мочь. – Мне очень хочется узнать, как их сшить. Они такие красивые!

Габриэль сердито покосилась на меня, потому что считала все эти украшения вульгарными.

Мы собрались вокруг кухонного стола, и тетя Джулия достала корзинку с заготовками.

– Эдриенн, – не унималась она. – Ты помнишь, что у месье Кайо один из лучших домов в Варенне?

Я прервала ее, чтобы сменить тему, и затараторила:

– Знаете, в пансионе нас не обучают ничему полезному. А мы не собираемся жить в простой, скучной одежде, когда уедем. Учиться тому, что делаете вы, гораздо практичнее. – Я натянула нитку, прошитую через квадратный лоскут ткани, так туго, как она показала, и квадрат превратился в цветок. – Вуаля!

Но тетя Джулия не слушала. Она продолжала рассказывать о доме месье Кайо, будто это был сам Версаль, описывая, какие у него грандиозные планы касаются «внутренней сантехники» и «газовых устройств».

Габриэль в сотый раз закатила глаза. Эдриенн нахмурилась, и я снова встряла:

– Хотела бы я знать, как украсить шляпу!

– О да, – подхватила Эдриенн. – Покажи нам, пожалуйста, Джулия.

Тетя достала другую корзинку, почти доверху заполненную перьями, цветами и миниатюрными копиями фруктов.

Она говорила об их размещении, о том, как правильно расположить, как прикрепить. И о месье Кайо!

– И это все? – удивилась тетя Джулия, когда Габриэль протянула ей соломенную шляпку, украшенную всего лишь одной лентой. – Не хочешь добавить еще одну-две ленты? Или хотя бы гроздь винограда?

– Нет, – отрезала Габриэль.

– А я бы так и сделала, – попыталась я смягчить ситуацию.

Мне казалось, нам не стоило слишком явно демонстрировать наше отношение к ее стилю.

Тетя Джулия повернулась к Эдриенн и заявила с искренним воодушевлением:

– Когда ты будешь жить здесь, в Варенне, у нас будет свой собственный магазин модных платьев. Разве это не прекрасно? Все захотят покупать наши творения! – Габриэль закашлялась. – Месье Кайо пользуется в городе большим уважением, – сказала тетя Джулия. – Он очень хорошо зарабатывает. Вот что важно.

Эдриенн попыталась не уступать:

– Для меня важно не это.

– Не говори глупостей. Шанель всегда были бедны. С трудом выкручивались. Переезжали с места на место. Но у тебя есть шанс стать такой, как я. Выйти замуж за солидного человека. Иметь собственный дом. Выбиться в люди. Это большая честь, что месье Кайо хочет жениться на тебе.

– И я бы оскорбила его, согласившись выйти за него за-

муж, когда не испытываю к нему никаких чувств, – проговорила Эдриенн.

– Ты бы научилась любить его.

– Как говорят священники, мы должны научиться любить прокаженных и нечистых, – пробормотала Габриэль.

Я подавила смешок.

Тетя Джулия резко обернулась:

– Что ты сказала?!

Выражение лица Габриэль было воплощением невинности.

– Мои руки. Мне нужно их вымыть. Они запачкались.

Месье Кайо должен был прийти на обед на следующий день, так что тетя Джулия заставила нас с утра до ночи вытирать пыль и полировать все до блеска. На кухне мы зачем-то снова перемыли чистую посуду.

Я не сводила глаз с Эдриенн. С тех пор, как мы приехали, она все больше бледнела. Я всегда считала, что жить без родителей, когда о тебе никто не заботится, – тяжелое бремя. Но теперь поняла, что в этом была определенная свобода. Что бы мы ни делали, терять нам было нечего и некого.

При любой возможности Габриэль пыталась показать Эдриенн, насколько дурно жить в этом городе и во что превра-

тится ее жизнь, если она выйдет замуж за месье Кайо.

– Шляпы тети Джулии вульгарны.

– Марта – смиренная маленькая мышка.

– У Альбера постоянно течет из носа. Это отвратительно!

– Ты слишком хороша для нотариуса, Эдриенн. Пусть подождет несколько лет и женится на Марте.

Короче говоря, мы убеждали, что, отказавшись от этого замужества, та много не потеряет.

Позже той ночью, казалось, Габриэль наконец-то достучалась до нее.

– Тетя Джулия так нервничает, – говорила моя сестра, распуская волосы; темные пряди падали ей на спину, густые и пышные. – Словно приедет сам папа римский, а не сельский нотариус. Он, вероятно, будет использовать свою салфетку в качестве слюнявчика. Ты должна быть стойкой, Эдриенн. Не позволяй тете Джулии запугать тебя. Ты слишком молода, чтобы осесть в этом болоте. У тебя вся жизнь впереди. Правда, Эдриенн?... Эдриенн?

Мы обе замерли, когда увидели, что девушка не вынимает булавки из шиньона, не расшнуровывает ботинки и не расстегивает пояс. Вместо этого она вытащила что-то из книги, которую читала, и подняла вверх: то был железнодорожный билет.

– Я никогда не видела Парижа, – сказала она. – Поехали в Париж.

Габриэль рассмеялась. Я почти тоже. Это было не похо-

же на Эдриенн – предлагать что-то столь радикальное, столь рискованное.

– Ты ведь не серьезно? – осторожно спросила Габриэль.

– Я абсолютно серьезно. Сейчас мы можем спокойно уйти. До утра никто не хватится. Я уточнила расписание. Последний поезд отходит через пятнадцать минут.

Мы уставились на нее. Она даже бровью не повела.

– Ты уверена, что хочешь этого? – пролепетала я. – Джулия будет в ярости. Возможно, никогда не простит тебя.

Обычное спокойствие Эдриенн сменилось решимостью.

– Единственное, в чем я уверена: я не могу больше оставаться здесь ни минуты. – Она укладывала одежду в сумку. – Джулия невыносима. Да, я ее разочарую. Да, я разочарую своих родителей. Да, я разочарую бедного месье Кайо. И думаю, что лучше сделать это с размахом.

Я поймала себя на том, что натягиваю ботинки. Рядом Габриэль заново собирала волосы.

– У меня же есть деньги, – вспомнила я. – Монеты, которые сестра Ксавье вернула мне, когда мы уезжали из Обазина. Они у меня с собой. Это немного, но для начала хватит.

– Мы снимем комнату. – Голос Габриэль слегка дрожал. – И мы всегда сможем найти работу белошвеек, пока не определимся, чем будем заниматься по-настоящему. И почему мы не подумали об этом раньше? Прощайте, канониссы! Прощайте, *payantes*. Прощайте, тетя Джулия и ваш нотариус. Мы едем в Париж!

Дядя Пол и тетя Джулия всегда рано ложились спать. Он просыпался до рассвета, а она еще раньше, чтобы приготовить ему завтрак и смахнуть с мундира навязчивые ворсинки, которые могли скопиться за ночь. Марта и Альбер тоже были в постели, поэтому ускользнуть незаметно не составило труда.

Идя по Авеню-де-ла-Гар, мы оглядывались по сторонам, словно ночные воры. На станции поезд кряхтел и плевался на рельсы паром, и я почувствовала нервную дрожь, когда из трубы повалил черный дым. Хуже того, в воздухе пахло углем, как будто дядя Пол спал не в своей постели, а позади нас, наблюдая за каждым нашим движением, ожидая, когда нас поймают.

Когда мы шли через станцию, у меня было странное ощущение, что мы шагаем в будущее, оставляя прошлое за закрытой дверью.

В Париже мы будем свободны!

На платформе было малоллюдно. Мы торопились к вагону второго класса и были уже на полпути, когда Эдриенн ахнула и уставилась на молодого человека в такой же униформе, как у дяди Пола, но без золотых галунов.

– Мадемуазель Шанель, – улыбнулся он, глядя на нее

влюбленными глазами и вместе с тем с любопытством.

Я затаила дыхание, мои ботинки внезапно стали свинцовыми. Юноша явно был удивлен. Он вполне мог помешать нам сесть в поезд. И он может рассказать дяде Полу!

Но Эдриенн быстро взяла себя в руки.

– Месье Дюбуа, – проворковала она, очаровательно кивая в знак приветствия.

– Что вы делаете здесь в столь поздний час? Где господин Костье? – спросил юноша, глядя за спину Эдриенн.

Наша тетя вынула носовой платок и изящно промокнула уголки глаз. О, то была самая прекрасная картина страдания, которую я когда-либо видела.

– Мы получили ужасные новости из Парижа.

Я с благоговейным трепетом слушала, как Эдриенн, никогда не лгавшая, объясняла месье Дюбуа, что мы ее племянницы, получившие сегодня телеграмму из Парижа с известием о неожиданной смерти нашего дорогого дяди. Габриэль, нахмурившись, потянулась за носовым платком, я тоже достала свой и даже пару раз шмыгнула носом.

– Похороны завтра, – продолжала Эдриенн. – Я как тетя должна сопровождать девочек, чтобы они могли отдать последний долг. – Она положила руку в перчатке на плечо месье Дюбуа, ее карие глаза впились в его. – Мой шурин предупредил, что вы будете здесь, и он более чем доверяет вам и просит обеспечить нашу безопасность при посадке в вагон. По приезде в Париж нас встретят родственники.

Месье Дюбуа вытянулся в струнку и прочистил горло.

– Месье Костье всегда может на меня рассчитывать.

Он торжественно, словно под похоронный марш, нарочито официально провел нас через вокзал к двери вагона. Я готова была броситься внутрь, но мы сели не торопясь, с достоинством, как подобает настоящим леди, сопровождаемым своей тетушкой. Месье Дюбуа закрыл за нами дверь; мы молчали, только расправляли юбки на коленях и не осмеливались выглянуть в окно, опасаясь увидеть дядю Пола и тетю Джулию, бегущих через станцию, чтобы остановить нас.

– Давай же! – мысленно торопила я поезд. – Трогайся!

Наконец раздался пронзительно громкий свист. Поезд запыхтел, дернулся вперед, потом назад. Вокруг все вибрировало, я чувствовала, как эти волны отдаются во мне, как колеса скрежещут по рельсам. Еще один долгий выдох, за окном за клубился белый пар – и поезд двинулся вперед, прочь от станции.

Мы были в пути.

ПЯТНАДЦАТЬ

Это была идея Габриэль – пробраться в вагон первого класса.

Мы ехали несколько часов. Время было за полночь. Очень хотелось есть. Нас трясло от холода. Уж наверняка там теплее.

– Мы не видели контролера по крайней мере три остановки, – сказала Габриэль, имея в виду человека с суровым лицом, который ходил по проходу после каждой станции: «Да-мы, господа, билеты, пожалуйста». Он напоминал мне деревенского крысолова, патрулирующего переулки, выслеживая добычу. – Он крепко спит, как и все на свете в такой час.

Мы чувствовали себя храбрыми. Слишком храбрыми.

Мы сняли с вешалок сумки и прокрались через тамбур. Все было тихо, если не считать лязга поезда и стука колес по рельсам. Войдя в вагон первого класса, мы на мгновение замерли, пораженные его длиной. Замысловатые светильники украшали ярко расписанный потолок. В проходе был расстелен узорчатый ковер. По одной стороне вагона вдоль стен располагались мягкие скамеечки, обитые роскошными тканями коричневого, синего и золотого цветов. По другую сторону висели длинные, до самого пола, бархатные шторы: одни были задернуты, другие собраны, открывая нашим взорам пустые застеленные постели в купе.

Это напомнило мне общежитие *payantes* в пансионе, где у каждой была большая кровать, стоящая в углу, толстая занавеска для уединения, полка для собственного фарфорового таза, украшенного голубыми цветами.

Была глубокая ночь. Пассажиры спали за занавесками. А здесь, в самом конце, была свободная кровать с большими подушками и мягкими одеялами, манящими нас внутрь...

«Дамы, господа, билеты, пожалуйста...»

К тому моменту, когда мы услышали его, было уже слишком поздно. Я открыла глаза и увидела заглядывающего к нам контролера с лицом крысолова. Заметив нас, он отдернул штору и теперь стоял с самодовольным видом победителя. Всего секунду назад я погрузилась в блаженный сон *élégante*. Габриэль и Эдриен тоже задремали. И вот мы – крысы. Мы вскочили с кровати, пытаюсь собраться с мыслями.

– Это еще что такое? – рявкнул мужчина. – Что вы здесь делаете?

– Место пустовало, – ответила Габриэль. – Мы никому не помешали.

– Но у вас нет билетов в первый класс!

– Месье, – пролепетала Эдриенн. – Пожалуйста. Мы вернемся в свой вагон. Мы совершили ошибку. Пожалуйста, извините нас. – Она захлопала ресницами и очаровательно улыбнулась.

Но это был не помощник начальника станции из маленького городка. Это был контролер железной дороги Париж – Орлеан, которому было поручено обеспечивать законность проезда в золотой город и из него.

– Простить вас? – усмехнулся он. – Нет, до тех пор, пока вы не заплатите за три билета первого класса плюс штраф.

– Но у нас нет денег, – сказала Габриэль.

– Неужели? Мы прибудем в Париж через десять минут. Вы сможете рассказать об этом в префектуре, когда я арестую вас за кражу и незаконное проникновение.

Эдриенн побледнела, лицо Габриэль стало мрачнее тучи. Когда я вытаскивала из сумочки деньги, в моих ушах стоял оглушительный рев, и это был не поезд.

«Крысолов» забрал все до последнего сантима.

В Париже поезд стоял в ожидании высадки и посадки пассажиров. Вернувшись в вагон второго класса, мы, потрясенные, ждали, когда он двинется обратно по тому же маршруту, по которому только что проехал. Но возвращение в Варенн было немислимо.

Тетя Джулия наверняка в ярости. В маленьких городках сплетни распространяются молниеносно, и скоро все узнают, что Эдриенн сбежала от уважаемого нотариуса. Когда-то милая девушка, будут говорить они, теперь напускает на себя такой вид, будто Варенн и нотариус недостаточно хороши для нее, простой дочери торговцев. Они обвинят нас с Габриэль – паршивых овец, таких же, как наш лживый отец, – в дурном влиянии. И это еще не все. Контролер с дьявольским взглядом может донести на нас! И тогда работа дяди Пола

окажется под угрозой. Он может лишиться своего важного сюртука с причудливыми пуговицами и золотыми галунами.

Нам оставалось только ехать в Мулен и вернуться в пансион.

Бедная Эдриенн. Я внимательно смотрела на нее, пытаюсь придумать, как бы утешить, хотя сама чувствовала себя очень несчастной.

Но, к моему удивлению, тетя вовсе не казалась расстроенной. Казалось, она... смеется? Мы с Габриэль ошеломленно уставились на нее.

– Мне очень жаль! – Эдриенн замахала носовым платком. – Я просто не могу... ничего с этим поделать... Я просто...

Я забеспокоилась, что переживания от столкновения с контролером довели ее до истерики. Она бросила вызов своей сестре, чего раньше никогда не делала. Все ее существование было перевернуто с ног на голову. Наше, к сожалению, тоже.

– Пожалуйста, не надо так волноваться, – постаралась она взять себя в руки. – Просто я испытываю такое облегчение! Месье Кайо теперь никогда не женится на мне. А Джулия больше никогда не попытается найти для меня партию. Я знаю, вы расстроены, что мы не добрались до Парижа, но я еще никогда не чувствовала себя такой свободной!

Эдриенн улыбалась, румянец снова заиграл на ее щеках, и боль от необходимости вернуться в Мулен поутихла. Мо-

жет быть, великие перемены происходят не от одного смелого шага. Мы не добрались до Парижа, но попытались. И благодаря этому Эдриенн была все еще свободна. Приключение напомнило мне о том, что случилось, когда мы подогнали нашу форму. Это по сути то же самое, что добраться отсюда туда или как превратиться из живущих за счет благотворительности в *elegante*. Вы просто не соглашаетесь с тем, что вам навязывают. Вы сами принимаете решение.

ШЕСТНАДЦАТЬ

– Он называется Дом Грампейра, – сообщила сестра Имамакулата Габриэль и Эдриенн.

Это случилось через несколько месяцев после нашего вынужденного возвращения в пансион, где мы снова заняли свои места, словно ничего не произошло. Было несколько недель тревожного ожидания, что канониссы вот-вот позовут нас для беседы с последующим наказанием. Но, похоже, тетя Джулия не сообщила им, что мы пытались сбежать. Она только вернула нераспечатанными письма Эдриенн с извинениями.

– Они специализируются на кружевах и других роскошных украшениях для модных дам, – продолжала монахиня. – Это недалеко от пансиона, на углу Рю-де-л’Орлаг, где стоит высокая часовая башня. Десбутены – добрая, благочестивая пара, предпочитающая нанимать наших воспитанниц.

Им известно, что наши девочки умеют шить. Вы вдвоем едете к ним немедленно. Над магазином есть мансарда, где вы будете спать.

Габриэль и Эдриенн обменялись взволнованными взглядами. Они не могли поверить, что им улыбнулась удача. Я тоже.

– А как же я, сестра? – спросила я. – Я хорошая швея.

– Ты? – сестра Иммакулата нахмурилась. – Ты еще мала, чтобы покинуть пансион.

– Но...

Ее строгий взгляд заставил меня замолчать.

Меня охватила смесь страха и тревоги. Я никогда в жизни не расставалась с Габриэль. Неужели сестра Иммакулата не понимает, что мы всегда должны быть рядом?! Вместе пришли в пансион, вместе должны уйти. И я не маленькая! Мне пятнадцать!

Позже, когда они собирались, Эдриенн попыталась успокоить меня:

– Мы устроимся, Нинетт, а потом вернемся за тобой.

– А что, если вы не вернетесь?

Габриэль перестала возиться с вещами и пристально посмотрела на меня.

– Я знаю, каково это, когда тебя бросают, Нинетт. Я бы никогда так с тобой не поступила!

– Это ненадолго, – сочувственно улыбнулась Эдриенн. – Не волнуйся.

Но я волновалась! Я была на четыре года моложе Габриэль. Может пройти очень много времени, прежде чем канониссы сочтут возможным отпустить меня.

Единственным моим утешением были другие малоимущие: рыжая Элиза, которую мы звали *poil de carrotte*²¹, Сильвия, которая грызла мел, потому что слышала, что от этого исчезают веснушки, полненькая Фифина, плоскогрудая Луиза-Матильда... Они не могли в полной мере заменить Габриэль и Эдриенн, но именно благодаря им я не чувствовала себя одинокой.

За стенами пансиона мы устраивали свои маленькие бунты. Так же, как в Обазине, мы то и дело обсуждали мальчиков. Но теперь мы были старше, более нетерпеливы и измучены непонятными желаниями, что порой вынуждало нас совершать странные поступки. Как-то в воскресенье, возвращаясь с мессы, Сильвия подобрала на тротуаре недокуренную сигарету. В тот же день каждая из нас по очереди приложила ее к губам. Закрыв глаза, мы представляли, что прикасаемся к губам лицеистов, за которыми подглядывали из окна пансиона, выходявшего во двор. Иногда, заметив нас, они делали грубые жесты, призывая задрать рубашки. У нас было то, что им было нужно, и это волновало.

А еще мы таскали разные штучки у *payantes*, пока наполняли водой их кувшины или вытряхивали мусорные корзины. Мы забирали себе предметы, которые были выброшены

---

²¹ Морковные волосы (*франц.*).

или валялись без дела, замененные более новыми. У нас были свои тайники с серебряными щетками для волос, у которых отсутствовала щетина, черепаховыми гребнями со сломанными зубьями и потертыми бархатными лентами – остатками мира, столь далекого от нашего. Мы ходили на археологов, изучающих реликвии другой цивилизации. Мы, не стесняясь, уносили лосьоны, кремы и пудры – те вещи, которые *payantes* сами прятали и о пропаже которых не могли донести канониссам, поскольку воспитанницам не позволялось их иметь.

Мы развлекались как могли, чтобы скрасить время, и молились не столько о наших душах, сколько о скорейшем освобождении из нашей священной тюрьмы.

Габриэль и Эдриенн приходили навесить меня, и с каждым разом они все меньше и меньше ходили на девушек из монастыря. Теперь это были юные леди из общества. Они иначе укладывали волосы, низко надвигали на лоб шляпы «помпадур», носили совсем другую одежду – блузки с высокими накрахмаленными воротничками, подчеркивающими длинные шеи, и прямые строгие юбки. Но прошло еще немного времени, и они стали выглядеть измученными, с воспаленными глазами, а Габриэль часто раздражалась.

– Я думала, что вас обеих увезли красавцы-офицеры, – пошутила я после того, как они отсутствовали почти девять месяцев.

– Офицеры не заходят в наш магазин, – отрезала Габриэль. – Только богатые высокомерные дамы, которые все еще носят турнюр²² и пудрятся так, что выглядят словно мешки с мукой. Как будто рождение в богатстве – это какое-то достижение! Удача, вот и все. Это единственное различие между нами и ими.

– Удача, громкое имя и родовой замок, помимо всего прочего, – пробормотала Эдриенн, слабо улыбаясь. Я с тревогой заметила, что даже в ее глазах потускнел огонек.

– Но, по крайней мере, вы свободны, – сказала я. – Вы в большом мире. Вы живете.

Габриэль ту же затянула шарф вокруг шеи.

– Мы только и делаем, что шьем. Шесть дней в неделю. Иногда семь. У меня устали глаза, болит спина, болят пальцы. Так что свобода – это последнее, что у нас есть.

СЕМНАДЦАТЬ

Канониссы разрешали девочкам, уже закончившим пансион, участвовать в хоре. И, к моему удивлению, Габриэль

---

²² Модное в 1870-1880-х годах приспособление в виде подушечки, которая подкладывалась дамами сзади под платье ниже талии для придания пышности фигуре.

и Эдриенн, никогда не проявлявшие особого интереса к пению, через год после отъезда стали приходить на вечерние занятия.

– Мне нужно упражняться, – объяснила Габриэль. Она казалась одержимой и воодушевленной, чего за ней давно не замечалось.

– Упражняться?

– Я хочу стать певицей.

Должно быть, она заметила мое замешательство: вообще-то моя сестра не отличалась хорошим голосом.

– Главное – как ты смотришься на сцене, а не как ты поешь, – произнесла она, рисуясь, словно уже была на публике. – Шитье – это только временно. Как только я стану певицей, я больше никогда не прикаснусь к иголке с ниткой.

Ее новое увлечение помогало расслабляться после тяжелого труда в швейной мастерской. Я была уверена, что это всего лишь мимолетный каприз, но девушки появлялись в хоре каждую неделю. И хотя на улице стоял июнь, Габриэль постоянно носила на шее шерстяной шарф, чтобы побереечь голос.

– Тебе тоже это нужно, Нинетт. Закрывай горло, чтобы не заболеть и не повредить голосовые связки, если хочешь когда-нибудь получить шанс.

Неужели она действительно думает, что я могу быть певицей? На всякий случай я стала более серьезно относиться к занятиям в хоре, хотя тоже не обладала вокальными дан-

НЫМИ.

Летом у Габриэль и Эдриенн появилась еще одна перспектива.

– Представляешь, Нинетт, – сообщила мне сестра после занятий, – по воскресеньям, когда Дом Грампейра закрыт, мы будем подрабатывать в ателье.

Я не понимала, почему они обе выглядели как заговорщицы, пока Эдриенн не добавила:

– Это место, где молодые кавалерийские офицеры переделывают одежду.

И теперь я не могла дожждаться, когда они придут на репетицию хора, чтобы расспросить об ателье.

– Мы работаем в задней комнате, – рассказывала Габриэль. – Но иногда хозяин оставляет дверь открытой, и лейтенанты заглядывают внутрь.

– Нам нельзя отрываться от работы, – продолжала Эдриенн. – Но мы стараемся садиться так, чтобы представить себя наилучшим образом. Иногда они в одних рубашках!

Я живо представила себе эту картину и смеялась до тех пор, пока мимо не прошли две *payantes*, Эжени и Маргрет – отвратительные создания. Они искоса взглянули на Габриэль и Эдриенн и насмешливо прошептали: «швей».

Эдриенн проигнорировала их, но Габриэль не сдержалась.

– Посмотрим, кто будет смеяться последним, – огрызнулась она. – Мы-то недолго будем швеями.

– Неужели? – ехидно спросила Маргрет. – Кем же вы тогда

будете? Прачками? Горничными?

Габриэль вздернула подбородок и заявила высокомерным тоном:

– Поживем – увидим, не так ли?

Обе насмешницы расхохотались.

– Послушай ее, – говорила Эжени, когда они уходили. – Похоже, она действительно в это верит! И действительно думает, что когда-нибудь выбьется в люди. Да, было бы трогательно, если бы не было так смешно.

Я смотрела на Габриэль, едва сдерживающую гнев и не показывающую вида, что их слова задели ее. В тот момент я видела не свою старшую сестру – я видела маленькую девочку, которая мечтала о *Чем-то* Лучшем. Я ненавидела Эжени и Маргрет. Мне хотелось отомстить им, причинить боль, как они причинили боль Габриэль, но я не знала, как это сделать, пока несколько дней спустя не пришла моя очередь нести воду в их спальню. В тот раз и каждый раз после я обязательно плевала в их кувшины.

ВОСЕМНАДЦАТЬ

– Вот и ты, наконец! – В голосе Габриэль слышались нетерпеливые нотки. – Ты готова?

Был воскресный, очень теплый для осени день, и по неизвестным причинам меня вызвали в гостиную. Я вошла и увидела Габриэль с Эдриенн в таком приподнятом настроении,

что не сразу их узнала. На девушках были новые шляпы, туго затянутые пояса подчеркивали тонкие талии, и создавалось впечатление, что они собираются в какое-то важное место.

– Готова? – удивилась я. – К чему? Разве вы не должны сейчас работать в ателье?

– Мы закончили раньше, – ответила Габриэль.

– Мы заберем Нинетт на час или два, – зашептала Эдриенн на ухо сестре Эрментруде. По воскресеньям канониссы и *rayantes* отправлялись в гости к друзьям или родственникам, оставляя сестру Эрментруду весь день дремать в кресле в гостиной. – Немного свежего воздуха... такой чудесный день... мы вернем ее до ужина, сестра.

– Мы едем к бабушке и Джулии-Берте? – поинтересовалась я для проформы, ответ казался мне очевидным. Куда еще мы могли пойти?

Габриэль загадочно улыбнулась.

– Увидишь, – проговорила она, приводя в порядок мои волосы.

Потом поманила меня за собой к двери, и вот так просто я шагнула из одного мира в другой.

По улицам Мулена Габриэль и Эдриенн двигались легкой, плавной походкой *élégantes*. Они уверенно прошли по про-

спекту, свернули за угол и наконец замедлили шаг, когда вдали показалось здание с красным навесом. Он затенял уличное кафе со столиками, накрытыми белоснежными скатертями. За одним из них, небрежно откинувшись на спинки стульев и вытянув ноги, сидели офицеры; похоже, они обратили на нас внимание. Я взглянула на Габриэль и Эдриенн, но они смотрели прямо перед собой, их лица словно застыли, шеи вытянулись, губы слегка изогнулись. Девушки будто намеренно выставляли себя напоказ.

– Офицеры Десятого полка легкой кавалерии, – шепнула мне Эдриенн уголком рта. – Лейтенанты из ателье.

Что-то неуловимое шевельнулось у меня в груди и затрепетало.

– Они постоянно приглашают нас на свидание, – продолжала Эдриенн.

– И наконец мы согласились, – подхватила Габриэль, бросив на меня предупреждающий взгляд. – Не болтай слишком много, Нинетт. Следи за языком!

Следи за языком?! О, ей не стоило волноваться! Единственными мужчинами, с которыми я разговаривала, были священники на исповеди. Я понятия не имела, о чем говорить с кавалерийскими офицерами.

Когда мы подошли к столу, лейтенанты встали.

– Три Грации, – произнес один из них с легким поклоном.

– Элегантность, Веселье и Молодость, – сказал другой, указывая по очереди на Эдриенн, Габриэль и меня.

– А вы, – отвечала Эдриенн, – должно быть, наши героические Аргонавты.

Приветствуя нас, офицеры церемонно целовали нам руки. Когда их губы касались верхней части моей перчатки, Эдриенн представляла каждого, произнося невероятно длинные аристократические фамилии. О, это были не долговязые школьники из лица напротив пансиона! Это были мужчины, настоящие мужчины лет двадцати с широкими плечами, усами и легкой щетиной на щеках. Я очень старалась не сесть в лужу.

Широким жестом они предложили нам располагаться. И хотя бриджи у них были не алые, а коричневые с широкими лампасами, офицеры все равно выглядели лихо: глядели уверенно, двигались непринужденно. Их высокие черные сапоги со шпорами были забрызганы грязью, изысканные кители с высокими воротничками и рядом круглых золотых пуговиц (верхняя – нарочито расстегнута) слегка помяты. Они выглядели так, словно прибыли сюда сразу после соревнований по верховой езде. И, судя по их спорам, это было именно так.

Официант принес нам чай и поднос с печеньем. Пока офицеры пили кофе и курили, я разглядывала их, пытаюсь разобраться в жаргоне и обрывочных фразах. Они хвастались высотой взятых препятствий, породистостью своих скакунов, храбростью и отвагой, и каждый старался превзойти другого. Все это сбивало с толку и волновало.

Громче всех кричал невысокий коренастый офицер с детским лицом, которое он пытался замаскировать пышными навощенными усами.

– Не слушайте его, – кудрявый лейтенант подмигнул мне. – Его лягнула в голову лошадь.

Другой лейтенант, носивший экстравагантное золотое кольцо с печаткой, ткнул его локтем:

– Тебе бы тоже не помешал хороший пинок в голову.

Глаза Эдриенн были широко раскрыты.

– Все это так опасно звучит!

– Да, это опасно, – заявил вощенный ус и подался к Эдриенн, – очень опасно.

Он наклонялся к ней до тех пор, пока «перстень с печаткой» не отодвинул его в сторонку.

– По-моему, звучит захватывающе! – воскликнула Габриэль.

– Мне тоже так кажется, – согласилась я, представляя себе грандиозное зрелище: сильных лошадей и храбрых солдат.

– В следующий раз вы сможете увидеть все собственными глазами, – объявил вощенный ус. – Считайте, вы приглашены. Победитель известен заранее, – произнес он пафосно, – но вы станете свидетелями того, как остальные ребята бьются за второе место.

Это привело к еще одной бурной дискуссии, однако в споре не было напряжения и агрессии. Офицеры просто вели себя, как мальчишки, хотя выглядели мужчинами. Это были

мальчишки-мужчины, новый для меня вид, удивительные создания.

Я тоже стала новым видом. Девушка из монастыря исчезла, словно бабочка, вылезшая из кокона. Моя спина выпрямилась, голова игриво наклонилась в сторону. Я легко смеялась. Кокетливо играла с выбившейся прядью волос. Мои ресницы порхали вверх и вниз, как крылья колибри.

И Габриэль! Такая яркая, веселая и стремительная! Я видела, как она хохотала всякий раз, когда лейтенанты говорили что-нибудь забавное на своем странном языке. Когда она уронила перчатку, они сделали вид, что ссорятся из-за того, чтобы поднять ее, устроив такую сцену, что мы все не удержались от смеха. Габриэль получала внимание, которого всегда жаждала, и я почти не узнавала ее.

Внезапно Эдриенн, сияющая и сдержанная, самая элегантная из Граций, встала и объявила, что мне нужно возвращаться, что «дорогие канониссы» уже заждались. Свет, который горел во мне, погас.

На обратном пути я ныла, что сестра Эрментруда никак не ограничила меня во времени. Я была удивлена, что Габриэль, которая так веселилась, молча согласилась уйти.

– Леди никогда не следует задерживаться слишком долго, – объяснила Эдриенн. – Запомни это, Нинетт. Леди всегда должна заставлять их желать большего. У нее всегда должно быть место, куда ей нужно спешить.

– Так вот почему ты взяла меня с собой? Я – предлог, что-

бы уйти?

– Конечно, нет! – возмутилась Эдриенн. – Мы хотели, чтобы ты пошла с нами.

– И нам был нужен сопровождающий, – добавила Габриэль.

– Что? Я слишком молода, чтобы быть сопровождающим.

– В том-то и дело. Ты все еще школьница. Твое присутствие столь же эффективно, как присутствие старой вдовы в черном крепе. При тебе офицеры не могут позволить себе лишнего.

Я хотела возразить, но придержала язык, понимая, что не важно, была ли я оправданием или сопровождением. Они могли бы не брать меня с собой, но они сделали это.

ДЕВЯТНАДЦАТЬ

Нам не удавалось видаться с офицерами каждую неделю. Порой им приходилось оставаться в полку; порой у Габриэль и Эдриенн было слишком много работ. Все это делало мои выходы из пансиона еще более драгоценными.

Габриэль одолжила мне воротник и манжеты, которые она сшила из лоскутков в ателье Грампейра, чтобы я могла прикрепить их к блузке, как только мы выйдем из пансиона. Это слегка оживило мою тусклую униформу. Я наносила пудру и румяна, которые стащила у *payantes*, закручивала волосы в изящный пучок, надевала золотое цыганское кольцо.

Мы встречались с нашими лихими офицерами конной гвардии за шербетом в «Ля Тентасьон», или на террасе отеля «Данген», или в другом модном заведении. Моим любимым было «Гран Кафе». Мы стали ходить туда, когда совсем похолодало. Почти театральный интерьер был шикарным: длинные столы и банкетки, богато украшенные зеркала, отражающие свет и смех, прекрасные пейзажи на потолке, парящие над струнным оркестром. Мой взгляд блуждал среди этого великолепия, не зная, где остановиться, но все же чаще всего он замирал на Армане – кудрявом лейтенанте, который сказал, что никогда не видел таких блестящих и золотистых волос, как у меня. И еще – что у меня лицо ангела Боттичелли.

Я начала понимать офицерский жаргон или большую его часть, приспособилась к их остротам, аристократическому диалекту. Главной темой были лошади. Теперь, когда «навощенный ус», которого все называли Ги, говорил о Лизетте: «она хочет угодить, но время от времени нуждается в плетке», я знала, что он говорит о своей кобыле, а не о сцене из будуара. Или, когда Матиас, лейтенант с перстнем-печаткой на мизинце, жаловался, что «Ана бросила еще один башмак», я уже не представляла себе разъяренную даму, швыряющую через бальный зал усыпанную драгоценными камнями туфлю.

Минуто они спорили, потом обнимались и пели припев из сентиментальной боевой песни. Они были полны жизни, бесшабашны и веселы. И ощущение радости от общения с

ними оставалось со мной даже после возвращения в пансион, свобода внешнего мира кипела внутри, согревая меня всю зиму.

Я не могла в это поверить! Моя сестра исполнила песню в «Ля Ротонд»! И это в мое отсутствие!

К тому времени мы уже несколько месяцев встречались с нашими лейтенантами, и после того как они убедили ее подняться на сцену, обсуждение эпизода не закончилось.

– Ты была очаровательна. – Эдриенн улыбалась.

– Глоток свежего воздуха! – восхищался Этьен, красивый темноволосый новобранец с редкими усиками, хотя держался он так, словно был старше остальных: скорее мужчина, чем мальчик.

– Это была всего лишь одна маленькая песенка, – скромничала Габриэль.

Но ее глаза горели, лицо покраснелось. И я понимала, что это было нечто большее.

– Жаль, что я этого не видела, – пожаловалась я, чувствуя себя обделенной.

– Это легко исправить, – заявил Ги. Он сделал знак Габриэль, предлагая ей спеть на бис прямо в «Гран Кафе». Остальные офицеры начали колотить по столу, скандируя что-то

странное: ко-ко, ко-ко, ко-ко.

Черные ресницы Габриэль затрепетали. Она огляделась по сторонам, затем встала, двигаясь стремительно, как кошка, рядом с нашим столиком. С игривой улыбкой она уперла руки в бока и начала:

Я потеряла свою бедную Кокó,
Кокó – мою собаку, которую обожаю,
Рядом с Трокадеро²³.

На этом месте она чуть согнула колени. Повела бедрами.

Признаться, я очень сожалею
О моей жестокой потере,
Чем больше мой мужчина обманывал меня,
Тем более верным был Кокó.

Шаг, Габриэль прижала руку ко лбу и посмотрела налево, еще шаг, поворот головы направо.

Эй, Кокó,
Эй, Кокó,
Кто-нибудь видел Кокó?

Мы все разразились аплодисментами.
– Bravo, bravo! – кричали офицеры.

---

²³ Площадь в Париже.

Габриэль просияла и церемонно поклонилась. Посетители за соседними столиками с любопытством поглядывали на нас. Официанты, стоявшие вдалеке, хмурились.

– Я говорил с управляющим в «Ля Ротонд», – сообщил Этьен, как только Габриэль села на свое место. – Он хочет предложить тебе постоянную работу.

– Скажи, что ты согласна! – умолял Ги.

– Ты просто обязана! – вторил Арман.

– Я согласна! – радостно ответила Габриэль.

Чтобы отпраздновать это событие, Этьен заказал шампанское. Для офицеров Десятого полка легкой кавалерии Габриэль была открытием. Ее триумф был их триумфом. Это был и мой триумф, хотя мне не суждено было его увидеть. Моя сестра на сцене! Может быть, когда-нибудь я и сама выйду на сцену... Лейтенанты щелкнули пальцами, подошли официанты, чтобы разлить напиток. Пузырьки! Шипение! Я сделала глоток и сразу поняла, почему *élégantes* пили его ведрами.

Пузырьки заплясали у меня в голове. Чуть согнутые колени. Поворот бедер.

Вскоре Габриэль стала выступать почти каждую неделю, так продолжалось всю весну и лето. Она давала представления для всего гарнизона. Коко! Коко! Коко! Они замолкали, только когда она выходила на сцену и исполняла песню о маленькой потерянной собачке и вторую о петушке, которую добавила в свой репертуар: «Кокó Рикó».

Ей это нравилось. Они любили ее. Настолько, что теперь

вместо «Габриэль» стали называть ее «Кокó».

На обратном пути в пансион Габриэль и Эдриенн все время пели песни из «Ля Ротонд», и я выучила их наизусть. Они больше не приходили на репетиции хора, Габриэль работала над новым репертуаром. В нем появилась песня о Буденах и Бутонах, двух супружеских парах, которые проводили вместе так много времени, что в конце концов у мадам Бутон родился малыш Буден, а у мадам Буден – малыш Бутон.

Была еще одна песня под названием «Фиакр», в которой двое влюбленных обнимались за закрытыми занавесками кареты. Когда женщина пожаловалась, что лорнет мужчины ей мешает, проходивший мимо муж услышал ее голос. Рассердившись, он стал кричать, но поскользнулся, упал и угодил под колеса.

– Какой кошмар! – ужаснулась я.

– Офицерам нравится, – возразила Габриэль. – Говорят, это достойный конец для любого, кто попытается помешать любовной связи.

Если было время, мы навещали Джулию-Берту, которая жила с бабушкой и дедушкой на площади Свободы, недалеко от рыночной площади, где они продавали мужские вещи вместо пуговиц и носков.

– Бабушка не дура, – неодобрительно говорила Габриэль после одного из наших визитов. – Она видит, как мужчины глазают на Джулию-Берту.

Мою кожу покалывало. Конечно, Джулия-Берта усвоила урок, полученный в Обазине, и теперь так легко не отдаст свое сердце – или что-то еще.

Я старалась не волноваться. Бабушка присмотрит за ней, убеждала я себя. Бабушка проследит, чтобы никто не воспользовался ею.

– Помни, не отдавай свое золото, – предупреждала я ее перед отъездом, после того как мы спели ей песни из кабары, сопроводив их собственной хореографией. Джулия-Берта смеялась и хлопала в ладоши.

Мои мысли все время были заняты мюзик-холлом. Я представляла себя на сцене в красном атласном платье, отделанном кружевом, с обнаженными руками и плечами, поющей о фиакре, о Бутонах и Буденах. Придумывала свои собственные очаровательные жесты, изящные повороты, поглаживала себя по животу и корчила гримасы, подражая беременной мадам Бутон, поворачивалась в другую сторону, шагая на месте, как мадам Буден, гордо толкая воображаемую коляску.

– Я тоже буду певицей, – прошептала я однажды Арману, сидя в «Гран Кафе».

– Лицо ангела Боттичелли, – сказал он, наклоняясь ко мне, – и голос тоже.

Позже я намеренно уронила перчатку между нашими стульями. Когда мы оба потянулись за ней, его губы коснулись моей щеки. Считается ли это моим первым поцелуем?

В пансионе я была ужасно рассеянна, в голове постоянно звучала музыка, я никак не могла забыть ощущение от прикосновения мягких губ и жестких усов Армана. Поэтому во время шитья мне приходилось переделывать стежки. Я ошибалась при решении большинства задач по математике. Когда нужно было написать сочинение на тему «Важность бережливости в домашнем хозяйстве», я смотрела в окно на простую стену лица, представляя себя на сцене в Париже. Канониссы сочли мои сочинения нечитабельными и стучали линейкой по столу, чтобы привлечь мое внимание. Они заявили, что навыки ведения домашнего хозяйства у меня отсутствуют.

Я опускала голову, стараясь не улыбаться. Что я могла сделать? Невозможно не отвлекаться, когда мир полон соблазнов.

ДВАДЦАТЬ

В августе Арман и Ги объявили, что в следующее воскресенье они сыграют матч по поло.

– Наши Три Грации должны там присутствовать, – сказал Арман, – на удачу.

Ги выпятил грудь:

– Поло – самая реалистичная имитация боя.

– В следующее воскресенье? – уточнила Габриэль, будто сверялась со своим расписанием.

По словам офицеров, должны были собраться почти все жители Мулена. Команда Армана и Ги собиралась противостоять игрокам, приехавшим из Аргентины: коневодам самых больших скотоводческих хозяйств. Лошади противника назывались криолло, и аргентинцы надеялись продать их французской кавалерии. А матч по поло должен был стать наглядной демонстрацией товара.

– Нашим соперникам повезет, если они забьют хотя бы один гол, – заявил Арман. – Я подарю им такую возможность. Уверен, что мы выиграем 12:1. Кто-нибудь хочет пари?

– Я слышал, что эти криолло обладают необычайной выносливостью, – заметил Этьен, – и идеально подходят для легкой кавалерии.

– Невозможно, – сказал Ги. – Это сельскохозяйственные лошади. Они должны быть впряжены в плуг.

Я перестала слушать и задумалась о том, что бы я надела на матч, будь я богата и будь у меня выбор. Это, конечно, не матч в *Шато де Багатель*²⁴ в Париже, но это было начало, способ узнать ритуалы и правила поведения зрителей, которые, судя по тому, что я читала в журналах, должны одеваться как можно более впечатляюще.

---

²⁴ Замок в Булонском лесу.

В день матча большое пространство у казарм было превращено в поле для игры в поло. Собственно говоря, для этого траву подстригли покороче, а углы и ворота отметили флажками. Деревянные стулья для зрителей расставили вдоль одной стороны, в нескольких ярдах от края игрового поля, однако никакого реального барьера между полем и «трибунами» не соорудили.

Этьен, присоединившийся к нам, был одет в штатское. Габриэль сообщила мне, что два года обязательной военной службы закончились и он уволен в запас. Его родители, владельцы преуспевающей текстильной компании, недавно умерли, оставив солидное наследство. И теперь его траты никто не контролировал, поэтому Этьен искал место, где мог бы посвятить себя разведению лошадей для скачек и поло.

– И Эмильенне д'Алансон, – добавила Габриэль приглушенным голосом.

– Знаменитой куртизанке?!

– Тс-ссс! – прошептала моя сестра. Она взглянула на Этьена, который неподалеку беседовал с группой незнакомцев.

Я знала об Эмильенне. Все знали. Она была прославленной красавицей, известной тем, что разорила королевскую семью и множество богатых мужчин. Король Бельгии Леопольд был одержим ею и подарил столько ожерелий и колец, что стал ей не нужен и она ушла от него. Он был не единственным. Герцогиня д'Юзес отправила своего сына Жака в Африку только для того, чтобы спасти его от Эмильенны, но

тот успел подарить куртизанке фамильные драгоценности. В Судане бедный Жак подхватил лихорадку и умер.

И теперь знаменитая соблазнительница была с Этьеном? Нашим Этьеном?

– Это просто развлечение, причем для обоих, – прокомментировала Габриэль. – Офицеры не будут обсуждать это при нас, но, по словам Ги, Этьен отшучивается именно так, когда другие лейтенанты дразнят его. – Она закатила глаза. – Мужчины и их развлечения! Эмильенна уже стара, ей за тридцать, расцвет давно миновал. Но это не имеет значения, потому что она богата. Она собрала столько рубинов, жемчуга и изумрудов, что может делать все что захочет. Ги утверждает, что Этьен тратит деньги только на лошадей, Эмильенна в этом не нуждается.

В ее тоне слышалось некоторое уважение к куртизанке. И я вспомнила, как еще будучи в монастыре, после истории с Джулией-Бертой и сыном кузнеца, Габриэль сказала: «Если ты собираешься согрешить, сделай это, по крайней мере, с кем-нибудь богатым».

Мне хотелось знать подробности, но Этьен снова присоединился к нам, и матч вот-вот должен был начаться. На поле разминались всадники, выписывая круги и восьмерки. Мне следовало бы восхищаться нашими лейтенантами на французских лошадях, ловить взгляды Армана. Перед началом игры я пообещала ему короткий поцелуй, если они победят.

– Когда мы победим, – поправил он меня.

Но увы, я не могла оторваться от аргентинцев в одинаковых рубашках с воротничками-стойками и короткими рукавами, которые демонстрировали сильные загорелые предплечья. На спине каждой рубашки красовался номер, от одного до четырех. Их лошади были меньше французских, не такими изящными, но казались более мощными. Форма наших офицеров была строгой и официальной: хлопчатобумажные рубашки, застегнутые на все пуговицы, с длинными рукавами, отложными воротничками и с жилетами поверх них. Они смотрелись как настоящие денди. Их соперники же выглядели так, словно пришли развлечься.

Габриэль смотрела на аргентинцев, скривив губы и скрепив руки на груди.

– Могли бы одеться и получше. Не говоря уже о том, что их лошади уродливы.

– Габриэль! – упрекнула ее Эдриенн.

Этьен рассмеялся.

– К счастью для них, ни один из этих критериев не влияет на победу.

– А кто они? – спросила я, все еще испытывая благоговейный трепет.

– Они англо-аргентинцы, потомки богатых британских семей, которые много лет назад уехали в Южную Америку строить железные дороги и разводить скот. Теперь они приезжают в Англию получать образование. Они не совсем аргентинцы и не совсем англичане.

Один из аргентинских игроков полностью завладел моим вниманием. Когда он подъехал вплотную к нам и я увидела его мускулистые руки и то, как уверенно он держится в седле, у меня перехватило дыхание. Было кое-что еще. То, как он двигался со своей лошадью. Между ними не было борьбы, не было хозяина, контролирующего своего зверя, а был танец, партнерство, словно они – единое целое.

– Наполовину человек, наполовину лошадь, – проговорила я.

– Кентавр, – кивнул Этьен.

– Кентавр, – замороженно повторила я.

Пока игрок мчался по полю, я чувствовала необъяснимое волнение, мой пульс бешено ускорился.

Я мысленно отругала себя: «Следите за глазами, мадмуазель!»

Протрубил рог, и игра началась. Всадники и лошади метались туда-сюда, две команды гонялись друг за другом, чтобы выиграть мяч, сталкивались, оттесняли, не давая пробить, клюшки со свистом рассекали воздух. Это было одновременно впечатляющее и пугающее зрелище, особенно когда игроки оказывались слишком близко, иногда на расстоянии вытянутой руки. Игра захватила нас настолько, что мы вскочили со своих мест.

Аргентинцы выкрикивали непонятные мне слова с неповторимыми интонациями, отчего казались еще более загадочными.

– На каком языке они говорят? – спросила я Этьена.

– На испанском. А еще на французском и английском.

– Ты много о них знаешь, – удивилась я.

– Мы переписывались. Я предполагаю купить у них лошадей, если они действительно такие, как говорят. Когда дело касается лошадей, я люблю побеждать. Эти криолло точно не для ипподрома. Но они идеально подходят для игры в поло. Только посмотрите на них!

Ему не нужно было это говорить, я и так глядела во все глаза. Наш Кентавр вертелся и крутился вместе со своей лошадыю, отбивая мяч на полном скаку так, будто ничто другое не имело значения, резко останавливался, снова переходил в галоп. Он был великолепен. Взмах клюшкой, и счет становится 1:0, затем 5:0, затем 10, 11, 12:0. Это была война. И аргентинцы побеждали.

Толпа притихла. На поле Ги и Арман ругались сквозь зубы, отчаянно колотя по мячу. Габриэль объявила аргентинцев невежливыми за то, что они столько раз забивали. Эдриенн казалась огорченной тем, что все так расстроены. Все, кроме Этьена. И меня.

Когда матч закончился, игроки передали своих лошадей конюхам. Смущенные лейтенанты бросились в казарму. Арман не получил поцелуя, но это было неважно. Я забыла о нем напрочь.

Аргентинцы смешались с остальными зрителями, в основном джентльменами вроде Этьена, которым не терпелось по-

больше узнать о южноамериканских лошадях. Пока Эдриенн и Габриэль критиковали их манеру одеваться, я последовала за Этьеном к игрокам. При виде красивого аргентинца мое сердце екнуло. Я предположила, что ему лет двадцать пять. У него были завораживающе карие глаза с золотистыми искорками и слегка взъерошенные черные волосы. Гладко выбритое красивое лицо не пряталось за бравыми усами. Во всем его облике было столько достоинства, что я совершенно растерялась.

– Хуан Луис Харрингтон, рад нашей личной встрече, – пожал ему руку Этьен.

– Зовите меня Лучо, – ответил месье Харрингтон.

– Где ты научился так играть, Лучо?

– В пампасах. Мы начинаем играть в поло еще до того, как научимся ходить.

Стоя рядом, я молча слушала разговор мужчин о лошадях. Что означало прозвище Лучо? Что такое пампасы? У меня возникло странное желание узнать о нем все. Потом я заметила на его руке глубокую царапину, из которой сочилась кровь и вот-вот должна была запачкать его белые бриджи.

Я вытатила носовой платок, на котором практиковалась в вышивании своих инициалов, и, не задумываясь, приложила его к ранке.

– У вас кровь, – пролепетала я, чувствуя, как розовеет мое лицо. Я только что прикоснулась к незнакомому мужчине.

Застигнутый врасплох, он взглянул на меня несколько удивленно, его пальцы коснулись моих, когда он взял платок.

– Мерси, – произнес он, поворачивая руку и вытирая кровь.

– Позвольте представить вам мадемуазель Антуанетту Шанель, – весело улыбаясь, вмешался Этьен. – Одну из знаменитых Трех Граций Мулена, вместе с сестрой и тетей.

Лучо пристально взглянул на меня.

– Как она может быть только одной, если воплощает в себе все их качества: Красоту, Радость и Молодость?

Я старалась вести себя естественно, будто красивые мужчины постоянно делали мне подобные комплименты.

– Вы очень добры, – я улыбнулась, – но меня как самую младшую называют Молодость.

– За Молодость! – Лучо изящно поклонился. – Ценное качество, которое мной растрчено. Я должен вам платок, Антониета.

Его глаза задержались на мне еще на мгновение, прежде чем он отошел, чтобы присоединиться к товарищам по команде, все еще прижимая мой носовой платок к своей руке.

Глядя ему вслед, Этьен покачал головой и рассмеялся.

– Хорош, не правда ли? – Он немного помолчал, потом добавил дразнящим тоном: – Антониета.

Я, возможно, парировала бы, но мое сердце трепетало, и я едва могла говорить.

Возвращаясь к нашей группе, я размышляла над словами

Лучо Харрингтона, но никак не могла понять их смысл. Я повернулась к Этьену:

– Почему он сказал, что его молодость растрачена впустую? Он все еще выглядит достаточно молодым.

– Подозреваю, что это связано с его женитьбой, – ответил Этьен, и мое сердце упало. – Если это можно назвать браком.

– Что ты имеешь в виду? – пролепетала я.

– По слухам, это было одно из тех соглашений, когда одна могущественная аргентинская семья сливается с другой ради земли. Невеста Лучо настояла на поездке в Англию, а затем отказалась возвращаться в Аргентину. Так что теперь у нее есть дом в Мэйфилде, где она живет абсолютно независимо. Любовники приходят и уходят, по крайней мере так говорят. Семья, конечно, надеется, что появятся дети и все изменится, но Лучо не хочет иметь с ней ничего общего. Однако ситуацию не исправить. Разводу всегда сопутствуют проблемы, но здесь все еще сложнее, поскольку по аргентинским законам он запрещен. Единственный способ разорвать брак, говоря библейским языком, – это смерть одной из сторон.

Вот оно что. Наконец-то я встретила своего декурселевского героя, но он никогда не станет моим. За один день я пережила целую мелодраму.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.